

Орден
Знак
Почета

СМЕНА

№12 ДЕКАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

2010

Об истории любви Джорджа Ромни и леди Гамильтон
читайте на стр. 38

Джордж Ромни, студийный портрет леди Гамильтон

	<i>НАМ ПИШУТ</i>	3
	<i>КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ</i>	
Елена Липина, Валерий Полетаев, Екатерина Борщева, Валентина Тюгашова		4, 68
	<i>МИНУВШЕЕ</i> Петровские хроники	6
	Светлана Бестужева-Лада	
	<i>ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ</i> Человек-легенда	19
	Евгения Гордиенко	
	<i>ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ</i> Старый повар	26
	К. Паустовский	
	<i>НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ</i> Несущие Русь в себе	32
	Денис Логинов	
	<i>ИСТОРИЯ ШЕДЕВРА</i> Джордж Ромни и леди Гамильтон	38
	<i>РАССКАЗ</i> Реликт	47
	Андрей Николаев, Сергей Чекмаев	
	<i>ЛОГУНОВА ШУТИТ</i> Как Катю замуж позвали	66
	Елена Логунова	
	<i>ДЕТЕКТИВ</i> Презентация убийства	69
	Людмила Кушпель	
	<i>КРОССВОРД, ЭРУДИТ</i>	108

Главный редактор

Михаил Григорьевич Кизилев

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ:

Редактор

Тамара Васильевна Чичина

Литсотрудник

Светлана Михайловна Подорванова

Выпускающий редактор

Светлана Викторовна Гуркина

Дизайнер

Валерий Иванович Харламов

Корректор

Юлия Борисовна Воронова

Обложка и иллюстрации

Лев Рябинин

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»

Генеральный директор

Дмитрий Юрьевич Мережко

Главный бухгалтер

Любовь Александровна Бижко

Директор по распространению

Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru

Менеджер по партнерским программам

Кристина Александровна Бурякова, e-mail: k.buryakova@smena-online.ru

Офис-менеджер

Людмила Николаевна Калинина

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом журнала
«Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»
Исключительные права на тек-
стовые и фотоматериалы, пу-
бликуемые в журнале «Смена»,
принадлежат ООО «Журнал
«Смена» и охраняются в соот-
ветствии с законодательством
РФ и международными согла-
шениями.

Шрифт: ParaType

Макет:
Екатерина Балеевская

Отпечатано ОАО ордена Трудового
Красного Знамени
«Чеховский полиграфический
комбинат»:
142300 МО г. Чехов,
ул. Полиграфистов д.1
Тираж – 14 000 экз.
Зак. № 173
Цена свободная
Номер подписан в печать:
15.11.2010

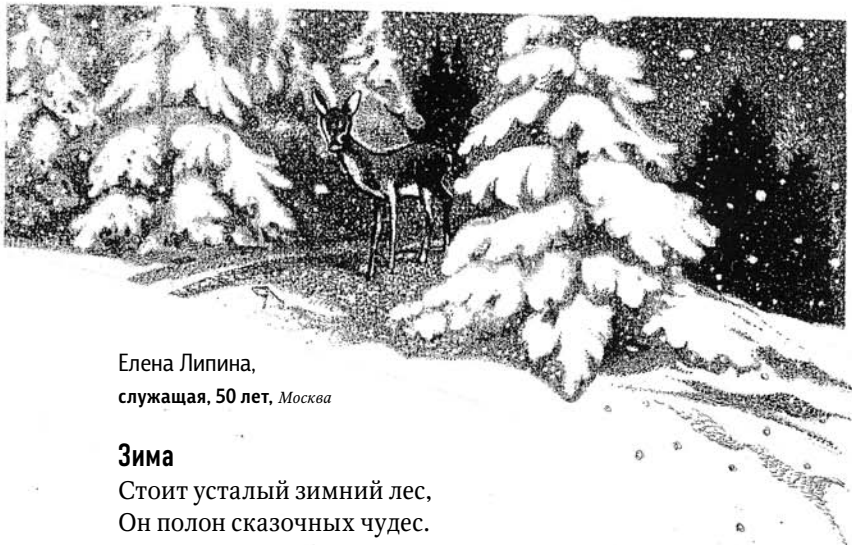
Дорогие «сменовцы»!

Моя семья всегда выписывала ваш журнал, а вот теперь я почти двадцать лет подписываюсь на «Смену». Я работаю в школе, преподаю русский язык и литературу, и, наверное, поэтому я с удовольствием в первую очередь читаю материалы, связанные с историей, живописью и литературой, а особенно рубрики «Забывтые страницы» и «Штрихи к портрету», посвященные лучшим отечественным писателям. И не только я, но и мои ученики-десятиклассники. Я приношу номера «Смены» в класс, и мы обсуждаем почти все материалы. Но еще совсем недавно, в связи с переменахми, происходившими в вашем издании, я хотела отказаться от подписки, так как журнал радикально изменился. Очень быстро утратил культуру, интеллигентность, стиль подачи материалов стал, может быть, и современным, но уж очень агрессивным, чисто информативным, рассказывающим в основном о том, что можно и так узнать из интернетовских сайтов. Поэтому обрадовалась, увидев ваше новое приложение, в котором сохранились все ваши лучшие традиции и мои любимые материалы. Спасибо вам за приложение, думаю, что многие читатели согласятся со мной и будут с удовольствием его выписывать.

С уважением, Ирина Обельман,

Одинцово, Московская обл.

Елена Липина,
служашая, 50 лет, Москва

Зима

Стоит усталый зимний лес,
Он полон сказочных чудес.
Все спит, ничто не шевелится.
Лишь кое-где шальная птица
Собьет пушистые снега.

Засыпав ветки сединою,
Летит морозная пурга.
А зимний лес под гнетом стонет.
И серый волк там громко воет.
И сказок зимняя судьба
Ждет встречи с снежною весною.

Все спит, ничто не шевелится,
Лишь ель с могучею листвою
При лунном свете серебрится.

И вновь наступит тишина
Под молчаливою луною.
И Дед Мороз — владыка сна —
Пройдет над спящею странюю.

И тот, кто посоха коснется,
Тот до весны уж не проснется!

Валерий Полетаев,
актер, 52 года, Санкт-Петербург

Цветной мир

Ах, как прекрасен белый свет!
Да разве белый? Вовсе нет!
Иль это ложь, иль заблужденье,
Он розовый, как наслажденье!

Он красный, словно страсти цвет,
Он синий, словно силы хлеб.
Он золотой, как обращенье,
Он серый, словно пресыщенье.

Сиреневый, как доброта,
Жемчужный, словно нагота.
Вишневый он, как вдохновенье,
Зеленый, как отдохновенье!

Он желтый, будто жженье чувств,
Он черный, как измены куст.
Он, как любовь, багряно-алый,
Он голубой, как снег подталый.

Муаровый, как боль утрат,
Багровый, словно бы закат,
Коричневый, как твердость духа,
Серебряный, как верность слуха!

Он, может, даже грязно-серый,
Как алчность душ и тел измены.
А иногда он серо-белый,
Как цвет развеявшейся веры.

Он очень-очень многоцветен,
Но хрупок, боже, и не вечен!
Ах, как прекрасен белый свет!
Сегодня есть он, завтра – нет!

ПЕТРОВСКИЕ ХРОНИКИ

Светлана Бестужева-Лада

Вот сколь ни молись, сколь ни совершай паломничеств — прогневается Господь за что-нибудь на рабов своих, и ничем уже этого гнева не утишить. Благочестивая, набожная царица Мария Ильинична, верная жена и нежная мать, скончалась от родильной горячки Великим постом 1669 года, жития же ей было отпущено 45 лет.

Не успели похоронить царицу — новая беда — занемог и умер царевич Симеон, которому и четырех годочков не исполнилось. А через год скончался шестнадцатилетний царевич Алексей, отцовская гордость и надежда, наследник престола российского. Первенца-то, Дмитрия, Господь призвал к себе еще младенцем.

Вот и осталось из пяти сыновей двое: Федор да Иоанн, оба здоровьем слабые. Да шесть дочерей из восьми — все крепкие и здоровые. Но что за радость? Кому престол передавать?

Сильно кручинился государь русский Алексей Михайлович, которого в народе прозвали Тишайшим. И супругу

Поль Деларош,
Портрет Петра I,
1838 г.

свою, с которой 21 год прожил в любви и согласии, оплакивал, и о судьбе престола беспокоился. Самому-то сорок всего, а на руках восемь сирот. На мамок-нянек надежда плохая, да и стране царица нужна, а дому — хозяйка.

Но на ком жениться-то? Кого он лучше Марьюшки съест?

Разгонять тоску-кручину Алексей Михайлович частенько приезжал к своему ближайшему советнику и другу, боярину Артамону Сергеевичу Матвееву, с которым вместе рос и воспитывался.

В доме Матвеевых всегда что-то новое, да к тому же они старались придерживаться европейского образа жизни. Все то, что впоследствии так поразило юного Петра в Немецкой слободе, еще до его рождения было обычным в доме его дядьки.

У Матвеевых был единственный сын Андрей, и супруги взяли себе воспитанницу — дальнюю родственницу, дочь бедного тарусского помещика Кирилла Нарышкина Наталью. Девушка отличалась красотой и, подражая своей воспитательнице, очень быстро усвоила свободные манеры, к тому же получила неплохое образование. Ее-то, девятнадцатилетнюю черноглазую красавицу, и узрел как-то царь...

Он недолго собирался: устроил на скорую руку смотрины и обвенчался с воспитанницей своего давнего друга. Мечтал жить с ней в радости долгие годы, да судьба распорядилась иначе.

С появлением новой царицы при дворе начались перемены, но не всех они устраивали. Любимице царя Софье радоваться бы, но отец теперь любил не ее, а свою молодую супругу, которую Софья тут же возненавидела, причем настроила так же и своих братьев и сестер.

А царь будто ослеп и оглох: все делал только ради своей ненаглядной Наташеньки. Даже детей забросил — редко имели они счастье видеть своего помолодевшего и повеселевшего батюшку.

Через полгода после свадьбы царский астролог Симеон Полоцкий заявил Алексею Михайловичу, что ночью расположение звезд «сулило зачатие великой женой мальчика, судьба которого необыкновенна и возвышенна, и который будет славен так, как никто из русских царей до него».

Ровно через девять месяцев после этого разговора 28 мая 1672 года у царицы начались схватки. Роды были столь тяжелые, что царицу на третьи сутки даже соборовали и причастили. Алексей Михайлович был в отчаянии, но тот же Симеон заявил, что царица благополучно разрешится от бремени через пять часов.

Когда пошел пятый час, Симеон встал на колени перед образами, начал истово молиться, а потом сказал:

— Если царевич родится в первом получасе от сего момента, то веку его будет пятьдесят лет с малым, а если во втором получасе, то доживет и до семидесяти.

Едва он это произнес, как прибежали с известием, что царица родила сына, крепкого, здорового, крупного. Было сие 30 мая 1672 года.

Через год с небольшим, в августе 1673 года, царица родила дочь, крещеную тоже Натальей, которой отец предрекал великое будущее, то есть блестящее замужество. Алексей Михайлович и Петрушу мечтал женить на какой-нибудь иноземной принцессе, дабы ускорить пробуждение России от многовековой спячки.

При поддержке друга Артамона Сергеевича он воспитывал младшего сына в европейском духе: царевича одевали в «иноземный военный мундирчик», заказанный в Немецкой слободе, обычных мамок и нянек при мальчишке не было. И Наталья Кирилловна всячески это поддерживала.

Ей было всего двадцать шесть лет, когда она овдовела. В 1676 году на престол взошел ее пасынок Федор, человек добрый и мягкий, но недалекий умом и слабый здоровьем. О молодой вдове и ее детях почти все забыли, дорога к Преображенскому дворцу, куда их определили на жительство, зарастала травой, челядь от скуки спала целыми днями.

Наталья Кирилловна молилась, воспитывала младшую дочь Наташеньку, следила за воспитанием Петруши, к которому еще царь Федор Алексеевич приставил воспитателем Никиту Моисеевича Зотова — по рекомендации самого Симеона Полоцкого.

По завещанию Алексея Михайловича, помогать Федору царствовать должен был Артамон Сергеевич Матвеев. Но Милославские добились того, что сначала тот был отпра-

лен на воеводство в Верхотурье, а по дороге туда остановлен и по обвинению в «чернокнижии и злых умыслах на жизнь царя Федора силой волшебства и призыванием нечистых духов» лишен имений и всяких почестей. Как государственного преступника, его со всей семьей сослали в далекий Пустозерск, где они жили в страшной бедности. Были отправлены в ссылку и братья вдовы-царицы: Иван Кириллович — на Рязань, в город Рязск, а Афанасий Кириллович — вообще неведомо куда. Наталья Кирилловна осталась одна с двумя малолетними детьми, пребывая в вечном страхе перед кознями Милославских.

Увы, Милославские недолго ликовали: первая супруга царя Федора — полячка Агафья Грушецкая — умерла от родов, и царю подобрали кроткую четырнадцатилетнюю красавицу Марфу Апраксину. Но после свадьбы он прожил лишь два месяца, даже не прикоснувшись к молодой жене, и скончался в апреле 1682 года, не оставив завещания.

Оно, собственно говоря, было и не нужно: царевичу Иоанну Алексеевичу было четырнадцать лет, он вполне мог занять престол под опекой Милославских. Но даже ближайшее окружение его понимало: слаб головой царевич, даже достойно повторять принятые кем-то решения вряд ли сможет. Значит, править будет, как и при Федоре, царевна Софья, а при ней слишком уж большую силу набирал князь Василий Васильевич Голицын, человек государственного ума и небывалой по тому времени образованности.

Случись что с Иоанном, кто помешает этой паре обвенчаться и царствовать? Что ж тогда, Васька царем станет? Да не бывать этому!

Есть ведь еще один законный наследник — от Нарышкинского, правда, корня, но царской крови. Десятилетний, здоровый, шустрый... Патриарх с Боярской думой приговорили: быть царем Петру, а до его совершеннолетия — под опекой матери. И в народе все громче раздавались голоса за Петра: Милославские уже всем поперек горла встали. Опять же, Артамонова царь Федор Алексеевич перед смертью из ссылки вернул со всеми почестями. Вот и советник малолетнему царю толковый...

Просто так выпустить власть из рук Софья не могла: для нее это значило разлуку с любимым, заточение в монас-

тырь, конец жизни. Интриганка она была опытная и умелая, спровоцировать верные ей стрелецкие полки оказалось легко. Достаточно было царевне, идя за гробом брата Федора, голосить истошно, что «видите, как брат наш царь Феодор неожиданно отошел с сего света: отравили его враги зложелательные». А потом пустила слух, что Нарышкины убили царевича Иоанна, хотят задушить Петра, а брат царицы-де уже царский венец примеряет.

Петр I, парсуна XVII века

Стрельцы, сметя охрану, ворвались в Кремль, простой народ кинулся за ними. Кричали, чтобы выдали им на расправу всех Нарышкиных, Артамона Матвеева и других «злодеев». Патриарх пытался убедить стрельцов, что их обманули: приказал царице вывести на Красное крыльцо царя Петра и царевича Иоанна, дабы показать их толпе. Тщетно...

До конца жизни Петр помнил, как взобравшиеся на крыльцо страшные бородачи оттолкнули патриарха и матушку, отпихнули царевича Иоанна, а его отшвырнули в сторону, как котенка. Помнил, как полетели вниз на стрелецкие пики Матвеев, Долгорукий, кто-то из Нарышкиных. Помнил рев «любо, любо!» и толпу, разбежавшуюся по дворцу в поисках новых жертв. Все это навсегда искалечило психику Петра: его припадки, сопровождавшиеся нервным тиком, были ужасны.

Утолив жажду крови, стрельцы потребовали: быть на Руси двум царям — Иоанну да Петру, а над ними — правительнице Софье. Даже специальный двойной трон сделали, с особым сидением над ним для царевны. Снова стал набирать силу Голицын и его сторонники, а Нарышкины укрылись по поместьям. Царица Наталья осталась с сыном, тревога за жизнь которого не отпускала ни на минуту. Даже о дочери

*Илья Репин,
«Великая
княгиня Софья
в Новодевичьем
монастыре».
1879 г.*

Наташеньке забыла, оставила ее на руках у мамок. Страшные были времена, смутные...

По совету князя Голицына, Софья решила женить младшего брата. Тогда она оставалась бы правительницей и при наследнике царя Иоанна Алексеевича. Тот же, мало того что был от природы «скорбен главою», так еще и страдал цингой и многими другими телесными немощами. Каким он мог стать мужем, и какие дети могли родиться от такого отца? Но это Софью волновало меньше всего.

По старинному обычаю, в Кремль свезли красивых боярских и дворянских дочерей. Как ни странно, у Иоанна хватило ума самому выбрать невесту и даже настоять на своем выборе — уж очень ему приглянулась высокая, пышная и черноглазая Прасковья Салтыкова, четырьмя годами старше него самого.

Софье оставалось только надеяться, что такая пылкая любовь с первого взгляда увенчается достойным потомством.

Свадьбу сыграли в январе 1684 года. Царя Петра со вдовствующей царицей Натальей на нее позвали в последний момент: патриарх настоял на соблюдении приличий.

На свадебной церемонии красивый, рослый одиннадцатилетний царевич выглядел шестнадцатилетним юношей. Немудрено, что новобрачная, сидя за столом, невольно на него засматривалась...

У новоиспеченной царской четы долго не было детей, но все-таки царице Прасковье каким-то образом удалось за двенадцать лет столь странного брака родить пятерых дочерей: Марию, Феодосию, Екатерину, Анну и Прасковью. Две старшие дочери умерли во младенчестве, трое благополучно дожили до пристойных лет, причем средняя, Анна, десять лет была российской императрицей...

В какой-то мере мечты Софьи сбылись: потомство брата Иоанна наследовало трон российский. Но для нее самой это уже было не важно: в 1689 году, через год после рождения первой царевны Иоанновны, она была заточена в монастырь, а Василий Голицын отправлен в вечную ссылку.

Когда Петру исполнилось семнадцать лет, мать решила его женить, чтобы остепенился, перестал бегать в Кукуйскую слободу и наконец избавился от опеки Софьи. Петра куда больше интересовали его «потешные полки» и проекты сооружения судов на Переяславском озере, но с матушкой он спорить не решился. Буркнул только:

— Ах, да некогда же мне, маменька, право! Жените, коли хотите...

И вот тут-то Наталья Кирилловна и оплошала: если бы она сосватала Петруше такую боярышню, какой была в свое время сама, или хотя бы царицу Прасковью, глядишь, все и сладилось бы. Но Евдокия Лопухина (вообще-то крещена девушка была Прасковьей, но двух Прасковий для одной царской семьи показалось много), боярышня из захолустного городишка, не получившая почти никакого образования, была выбрана царицей исключительно по физическим качествам, то есть для царя искали «здоровую племенную кобылку». И нашли.

Не ошиблась Наталья Кирилловна только в одном — плодovitости молодой царицы: в течение первых четырех

лет после свадьбы Евдокия родила троих (!) сыновей: Алексея, Александра и Павла. Два младших царевича скончались вскоре после рождения, остался один Алексей.

Венчание Петра I и Лопухиной состоялось в январе 1689 года в церкви Преображенского дворца под Москвой. Званых, кроме Нарышкиных и Лопухиных, было мало, и вообще свадьба мало походила на царскую. Боялись какой-нибудь подлости от Софьи — обошлось.

Царевич Алексей родился через год с небольшим после свадьбы — в феврале 1690 года. Евдокия воспряла духом: теперь-то ее лапушка почаше будет дома с семьей бывать. Но... Петр, которому не исполнилось еще и восемнадцати, больше всего думал о мореплавании. Поскольку русские корабли тогда были только в Архангельске, да и то — несколько купеческих судов, начинать решил с пресноводного судоходства. Увы, что-то более или менее похожее на озеро отыскалось лишь в 120 верстах от Москвы, возле Переяславля. Разве маменька так далеко отпустит?

Петр схитрил: отпросился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь и уже оттуда добрался до Переяславля. Увиденное настолько его потрясло, что он, вернувшись, все уши прожужжал маменьке о красотах озера и о своих планах кораблестроения.

Наталья Кирилловна сдалась — разрешила любимому сыночку получить новую игрушку. Для этого были выписаны из Голландии и отправлены в Переяславль корабельные мастера. А позже, когда уже совсем потеплело, туда же — легально! — вновь сорвался Петр.

Летом прискакал в Переяславль дядюшка Лев Кириллович со страшным известием об очередном заговоре Софьи и ее приближенных против Натальи Кирилловны и Петра и о возможном начале нового стрелецкого бунта. Князь Василий Голицын и Федор Шакловитый подстрекали царевну-правительницу «волчицу и волчонка смертью извести».

На счастье Петра, князь Борис Голицын не поддержал замыслов своего двоюродного брата, а решительно перешел на сторону Петра, увлекая за собой многих других знатных бояр. В августе 1682 года Петр приехал в Троице-Сергиев монастырь, туда же немедленно прибыли и Наталья Кирилловна

с дочерью и невесткой, преданные Петру бояре, стрельцы Сухарева полка и его «потешные полки». Федора Шакловитого приговорили к отсечению головы, Василий Голицын был спасен от смерти двоюродным братом, Софья оказалась в Новодевичьем монастыре.

В Троице-Сергиевом монастыре бояре последний раз видели Петра таким, каким, по их представлениям, должен был быть царь: чинным, немногословным, величавым. Когда опасность миновала, он с легкостью оставил государственные дела на новых знатных бояр, а сам заботился только о создании армии и флота, частенько бывая в Немецкой слободе, где не только приобретал многие полезные сведения, но и приятно проводил время с Анной Монс. Но пуше Немецкой слободы его по-прежнему манило море.

В июле 1693 года Петр с большой свитой поехал в Архангельск. А вернувшись в Москву через два года, застал мать серьезно больной. Это не помешало ему, побыв пару часов с матушкой, отправиться в Немецкую слободу праздновать возвращение, где его и настигла весть о кончине Натальи Кирилловны.

Царь Петр трое суток тосковал и горько плакал, не желая никого видеть, третий, девятый и двадцатый дни провел у гроба матери, скончавшейся от сердечного приступа на сорок втором году жизни. Теперь не оставалось никого, кто мог бы хоть как-то сдерживать непростой нрав государя. Разве что младшая сестра Наталья, которую он очень любил, но она была еще пятнадцатилетним подростком и могла только горько оплакивать вместе с братом маменьку.

Со смертью Натальи Кирилловны исчезла и хрупкая привязанность мужа к Евдокии: она еще жила с сыном в Кремле, но всех ее родственников разогнали по дальним именьям. Для Петра, по-видимому, все уже было решено. Флирт с Анной Монс перешел в открытый роман.

В 1697 году, перед самым отъездом царя за границу, открылся новый боярский заговор, в котором активно участвовали родственники царицы. Лопухиных Петр милосердно не казнил — отослал воеводами в дальние города. Боярам Соковнину и Цыклеру отрубили головы. А с Евдокией поручил разобраться своему дяде, Льву Кирилловичу, чтобы тот уго-

ворил ее постричься в монахини. И отбыл из России на целых полтора года, при этом ни жене, ни официальной уже фаворитке писем не писал — не до того было.

В августе 1698 года Петр вернулся в Москву — прямо в объятия к заждавшейся Анне Монс. Со все еще законной супругой встретился через неделю и уже лично потребовал от нее пострижения в монахини. Ответа ждать не стал — повернулся и вышел.

Через три недели законную царицу Евдокию Лопухину под стражей отправили в Суздальско-Покровский монастырь, где насильственно постригли под именем Елены. А спустя полгода «нищенка» самовольно отринула монашество и стала носить мирское платье. А через десять лет... завела любовника, майора Степана Глебова, который приехал в Суздаль для проведения рекрутского набора. Любовники практически не скрывали своих отношений, за что жесточайше поплатились: виновные в осквернении супружества были привезены в Москву, где Глебова после долгих и жутких пыток посадили на кол. Евдокию прилюдно выпороли кнутом и отправили под строгий надзор в Ладожский Успенский монастырь, где она жила до смерти Петра.

Замечу, что их с Петром сын, царевич Алексей, был казнен (?) или умер (?) 26 июня того же 1718 года. Жестокого, кровавого года, причем жестокости были совершенно неоправданны: царем все больше овладевала мания преследования.

Старица Елена (Евдокия) еще два года провела в заточении в Шлиссельбурге, куда ее отправила Екатерина Первая. Для нее первая жена Петра представляла большую угрозу, чем для покойного уже императора, настоящего Романова. Права же на трон новой императрицы были, мягко говоря, сомнительны.

Свободу и почет старица Елена получила лишь при своем внуке, императоре Петре Втором, причем Верховный тайный совет издал указ о восстановлении чести и достоинства царицы, с изъятием всех порочащих ее документов. Умерла она через четыре года после этого, уже в правление императрицы Анны Иоанновны.

А Петр уже нашел себе новую царицу, владевшую его сердцем более десяти лет. Звали ее Анна Монс, и была она до-

черью виноторговца из Немецкой слободы.

Скуповатый и прижимистый, Петр не жалел денег только на свои воинские затеи. Но «ненаглядную Анхен» он просто осыпал подарками. Его собственный портрет, усыпанный бриллиантами (стоимостью в 1000 рублей), щедрое денежное содержание, новый двухэтажный дом в восемь окон. А при доме — слуги в ливреях, мажордом, конюшня с каретами и дюжиной чистокровных лошадей. Дом этот так и называли в народе — царицын дворец.

Анна была благодарна Петру, посылала ему с оказией небольшие экзотические подарки, писала письма. Но ни в одном из них нет ни слова о любви.

Она откровенно не любила ни дипломатические приемы, ни разнузданные петровские «ассамблеи», а русские не интересовали ее вообще. Лучше всего Анна чувствовала себя на подаренной Петром уединенной мызе возле ручья Кукуй. Огород, коровы, свиньи, овцы, куры... Заготовки на зиму, идеальный порядок в погребах и кладовых... Корона ей была совершенно не нужна.

Когда Петр в 1697 году уехал на полтора года за границу, то не удосужился написать оттуда «милой Анхен» ни строчки. Он ее просто забыл. А она... сочла себя свободной от каких-либо обязательств и стала принимать ухаживания других мужчин. Разумеется, иностранных, например, саксонского посланника Кенигсека, желавшего даже жениться на ней. Но Петр вернулся, и все пошло по-прежнему: об измене своей возлюбленной царь узнал лишь пять лет спустя, в 1703 году, и то случайно — Кенигсек, сопровождавший Петра в поездке

*Петр I, неизвестный художник
конца XVII века*

по Неве, утонул. При нем нашли любовные письма Анны и медальон с ее портретом.

Петр пришел в ярость. Нет, он еще не дошел до того, чтобы рубить изменницам головы — позже будет и это. Но Анну Монс посадили под жесткий домашний арест и отобрали все подарки, дом и деревни.

Анна не дожила до сорока лет и скончалась от чахотки в 1714 году. Реакция императора Петра на это событие неизвестна. Да и при нем уже была другая любимая женщина — Марта Скаврнская, будущая императрица Екатерина.

Свою «маренбургскую полонянку» Петр доверил благочестивой и целомудренной сестре Наталье. Она крестила Марту Екатериной, обучала ее русскому языку и обычаям страны. Ведь превыше всего для нее было счастье Петруши.

В 1716 году, сорока трех лет от роду, после продолжительной болезни царевна Наталья скончалась. Венценосный брат ее находился на ту пору в Данциге вместе с супругой, но горе его по получении известия о кончине сестры было велико и неутешно. Усопшую похоронили на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. А вскоре рядом с ней на том же кладбище упокоился и царевич Алексей.

Со смертью сестры Петр потерял последнего своего настоящего друга и близкого человека. Именно после этого он и стал тем самым «неистовым государем», которого уже никто не мог ни сдержать, ни убедить в чем-то. Если Наталья видела все это с небес, то наверняка думала: «Вот сколь ни молись, сколь ни совершай паломничеств — прогневается Господь за что-нибудь на рабов своих, и ничем уже этого гнева не утишить...» ☞

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

Евгения Гордиенко

*«...Ах, дорогой дядя Гиляй, крестный мой
отец в литературе и атлетике, скорее
я вообразю себе Москву без Царя-колокола
и Царя-пушки, чем без тебя».*

А. Куприн

Жил да был человек-легенда... Так начинаются сказки, но что еще рассказывать под Новый год, как не сказку? Тем более что сказка с высоты сегодняшних времен кажется совершенно волшебной и нереальной. Итак, жил-был в стольном городе Москве журналист и писатель, актер, огромный талант и невероятной силы человек — Владимир Гиляровский...

Москва и не москвич

Гиляровский не родился в Москве. Более того, вырос он тоже не здесь. Его предки — и об этом легко догадаться по многочисленным портретам — донские казаки. Наделенный статью и внешностью казака-силача, Гиляровский всю жизнь

с честью продолжал героические подвиги своих предков, но только не на поле брани, а на поле жизни, под знаменами справедливости...

Относительно года своего рождения Гиляровский не был уверен: то ли 1853, то ли 1855. Различные источники спорят насчет этой даты. Зато едины в том, где был рожден будущий московский бытописатель — в Сямских лесах Вологодской губернии, в семье управляющего лесным имением.

В восемь лет Владимир потерял мать, отец его вскоре женился на милой, доброй и воспитанной, по словам самого Гиляровского, Марии Ильинишне Разнатовской. Мачеха искренне полюбила пасынка, стала обучать его французскому, прививать светские манеры, послала учиться в гимназию. Но самому Гиляровскому гораздо больше нравилось воспитываться у старого друга отца и деда — беглого матроса Китаева. Именно благодаря ему мальчик научился гимнастике, борьбе, плаванию, верховой езде...

Однако все это в определенный момент Владимиру наскучило. Кто-то дал гимназисту Гиляровскому роман Чернышевского «Что делать?». Юноша залпом прочитал книгу, и она произвела на него неизгладимое впечатление. Рахметов стал его кумиром. А сам Владимир, неудачно сдав экзамен в гимназии, решил последовать примеру Никитушки Ломова и в июне 1871-го без паспорта, без денег ушел из родного дома на Волгу, в бурлаки.

Там, накачав стальные мышцы, став среди бурлаков полнотью своим, Гиляровский загорелся другой идеей — театром. Пришел он к нему очень «по-гиляровски». В Тамбове на площади кто-то стал бить актеров заезжего театра. Владимир заступился за них, после чего в качестве благодарности был принят в труппу.

Актерство стало его мечтой — по большей части недосягаемой. Играл он много, но в провинциальных театрах, знал самого Мейерхольда, но в театр его не попал. Дружил с Чеховым, но не играл в пьесах, а лишь дарил ему сюжеты для рассказов...

Успев побыть и бурлаком на Волге, и крючником, и пожарным, и рабочим на заводе, и объездчиком диких лошадей,

и циркачом, Гиляровский в 1877 году, когда началась Русско-турецкая война, добровольно стал солдатом.

А уже в 1881-м приехал в Москву и снял номер в гостинице на углу Тверской и Газетного переулка. И топоним стал пророческим...

«Из него вырастет неплохой репортер...»

Слова про «неплохого репортера» принадлежат одному из лучших друзей Владимира Гиляровского — Антону Павловичу Чехову.

Они подружились вовсе не за кулисами, как можно было бы предположить, а в школе гимнастики и фехтования, из которой потом возникло Русское гимнастическое общество. Для Чехова Гиляровский стал не только другом, но и постоянным источником сюжетов: и повесть о Каштанке, и рассказ «Злоумышленник» — вот только часть историй, «подаренных» дядей Гиляем классику.

Именно Чехов сказал другу: «Человек ты талантливый, все рамки ломаешь, но на сцене не смотришься. Тебе бы писать!»

И Гиляровский стал писать.

Почти сразу стало понятно, что быть репортером — именно то, что нужно этому деятельному, по-своему одаренному актерским талантом человеку.

Он готов был писать обо всем, но больше всего о том, что так или иначе показывало бы несправедливость по отношению к простым людям. Его волновали «люди дна», хитрованцы, которых страшилась вся Москва...

Он готов был идти на любые ухищрения, только бы репортаж получился интересным, говоря о самом себе: «Я словно вор на ярмарке». В каждом случае он искал то, о чем можно было бы написать. Мастер перевоплощений, применявший актерский талант на поприще репортера, Гиляровский отчасти стал прототипом сыщика Эраста Фандорина, описанного Борисом Акуниным.

Расследования вообще были коньком Гиляровского.

Он мог, будучи в гостях, поднять трубку вместо горничной и, услышав «позовите градоначальника!», откашляться

и сурово произнести: «Градоначальник слушает!». Так он узнавал о пожарах, о крушениях поездов... И тут же устремлялся туда, где мог быть полезен и мог узнать то, что замалчивалось властями и чиновниками.

Именно Гиляровский первым написал о побоище на Ходынском поле, когда погибли в давке за царские подарки сотни людей.

У Гиляровского было огромное количество друзей. Помимо Чехова, он дружил со Станиславским, Немировичем-Данченко, Шаляпиным. Гостеприимный и веселый, Владимир Алексеевич готов был развлекать гостей чем угодно: мог согнуть как монету, так и кочергу, подкрасться сзади к далеко не стройному гостю и поднять его вместе с креслом смеха ради.

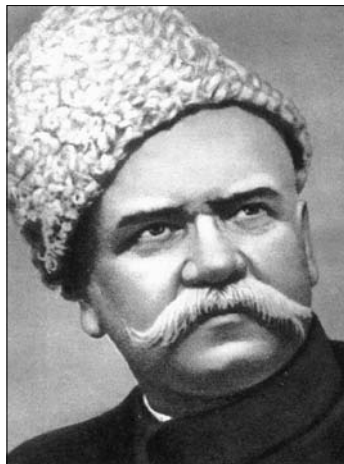
С кочергой вообще раз вышел забавный случай. Уже будучи немолодым, Гиляровский приехал погостить к отцу. И во всегдашней своей шутливой манере взял да и согнул кочергу. Отец, не на шутку рассердившись, что сын портит хорошую вещь, в сердцах разогнул кочергу обратно...

Тихая хозяйка шумного дома

Говорили, что в доме Гиляровского бывает тихо, только когда хозяина там нет. Его обожали все: и домочадцы, и гости, и даже попугай Лорра, который по возвращении Гиляровского всегда кричал: «Здравствуй, Гиляй! Здравствуй, Гиляй!»

Но кто же содержал этот дом?

В 1884 году Гиляровский женился на Марии Ивановне Мурзиной и поселился в скромном доме де Ладвез на 2-й Мещанской улице. Сегодня это улица Гиляровского.

Н. И. Струнников.

Портрет В. А. Гиляровского

Влюбился Гиляровский в сироту из Пензы нешуточно. Писал своей невесте: «Ты одна для меня все на свете... Передо мной на столе, заваленном листами исписанной бумаги, стоит дорогая мне карточка с венком из колосьев и цветов на густой русой косе... И работается с удовольствием, с радостью».

Эта фотография стояла на его столе на протяжении всей его жизни.

Е. Киселева, родственница Гиляровского, писала: «По характеру своему Мария Ивановна была совершенной противоположностью дяде Гиляю. Замкнутая, очень спокойная, с постоянством привычек и нелюбовью к передвижениям, даже поездки в Крым ради здоровья дочери были для нее нежелательны. Мария Ивановна проводила свою жизнь дома неутомимым, бдительным и никем не заменимым стражем его благополучия. Дядя Гиляй, как бы ни был занят, с себя никогда хозяйственных забот не снимал, оставался деятельным и заботливым хозяином. И все же основой дома была Мария Ивановна».

Уже позже, когда переехали в Столешников, в дом, на котором и поныне висит памятная доска, Марии Ивановне приходилось терпеть многочисленных гостей мужа. И если «терпеть» Чехова и Станиславского и угощать их было довольно нетрудно, то видеть всех тех хитрованцев, что Гиляровский приводил домой, порой становилось невмоготу. Она боялась, что один из хитровских гостей попросту «прирежет ночью». Этого, к счастью, не случилось, зато вшей и прочих болячек гости натащили в дом достаточно...

Мария Ивановна прекрасно готовила, варила варенье, делала домашние настойки, шила, вязала, была интеллигентной, мудрой и даже помогала Гиляровскому в его работе. Часто приходилось все это совмещать — в чане на кухне варилось варенье, Мария Ивановна беседовала с Чеховым и Куприным, ожидающими возвращения хозяина дома, и при этом у нее в руках мелькали спицы.

Гиляровский умел ценить свою жену — ни разу не сказал ей грубого слова и всегда дарил ей первый экземпляр своих книг. А когда она увлеклась вдруг вегетарианством, даже в этом не перечил. Спокойно поедал морковные котлетки. Правда,

перед обедом заворачивал в трактир, ел расстегаев, заливного поросенка и другие яства. А морковные котлетки были вроде десерта...

Жажда жизни

Гиляровский говорил, что любить человечество нетрудно, а вот любить одного человека — очень, нужно много сил, желания, времени и денег. И он никогда не жалел ни сил, ни времени. Хитровцы (или хитрованцы) любили его как своего защитника, как человека, который один понимал всю глубину хитрованского героя, его несчастий и опущенности.

Один только Гиляровский мог безнаказанно приходить в любое время дня и ночи в самые опасные хитровские трущобы. Его никто не посмел бы тронуть пальцем. Лучшей охранной грамотой было его великодушие. Оно смиряло даже самые жестокие сердца.

Как-то раз Гиляровский привел на Хитровку Станиславского и Немировича-Данченко, собиравшихся ставить пьесу «На дне». Едва они устроились вместе с Гиляем в одном из трактиров, как к художнику, делавшему зарисовки с натуры, подскочил хитрованец с криком: «Не так рисуешь!». К ним начали подбираться и другие. И только Гиляровский, взмахнув мощным кулаком, закричал: «Болдоха, отступись! А то на всю «Каторгу» скажу, где твои тайники с золотишком!»

Уже потом Гиляровский рассказал, что люди фартового Болдохи собирались грабить «экскурсантов». А услышав Гиляровского, заопасались — вдруг и правда про золото знает и расскажет при всем нечестном народе?

— Ну, Владимир Алексеевич, вы герой! По гроб жизни ваши должники, — благодарили Станиславский с Немировичем. Гиляровский лишь усмехнулся: «Должники-то должники, а в театр сыграть не зовете...»

Еще одна черта Гиляровского, которую отмечают все его друзья, — это ребячливость. Не было в жизни ничего, что не казалось бы ему достойным внимания. Например, однажды он отправил письмо по несуществующему адресу в Австралию,

*Мелихово. В тачке — Ф.П. Чехов и М.П. Чехов. Везет тачку
В.А. Гиляровский. Стоят слева — А.А. Долженко, Справа — И.П. Чехов.
Фотография И.И. Левитана, апрель 1892.*

чтобы оно потом вернулось к адресату, а Гиляровский по почтовым штемпелям смог бы проследить его судьбу...

Даже когда с Гиляровским случались по-настоящему трагические вещи, он старался улыбаться им и видеть трагедию не свою, но человека, которому еще хуже, которому можно помочь.

Однажды, когда Гиляровский был уже очень немолод, возвращаясь на своей даче с прогулки к завтраку, он увидел у входа человека с финкой. Оказалось, что в дом забралась грабители и, согнав всех людей в одну комнату, методично грабили дом, а у входа оставили человека «на шухере». Как когда-то на Хитровке, Владимир Алексеевич строго сказал: «Убери». И бандит повиновался. Однако ограбление старому репортеру остановить не удалось. Бандиты на его увещевания лишь равнодушно ответили: «У каждого работа своя...» — и вынесли из дома почти все. Правда, к счастью, никого не тронули. Бандитов арестовали на другой же день. Гиляровский попросил о встрече с ними и принес теплые вещи и табак. Потом получил из лагеря письмо с извинениями и припиской: «...может, пожевать чего пришлете?». Гиляровский прислал.

Умер он в 1935 году, до конца жизни сохранив в душе ту чуткость, которая его самого сохранила в сердцах москвичей и поныне. ☐

Константин Паустовский

Старый повар

В один из зимних вечеров 1786 года на окраине Вены в маленьком деревянном доме умирал слепой старик — бывший повар графини Тун. Собственно говоря, это был даже не дом, а ветхая сторожка, стоявшая в глубине сада. Сад был завален гнилыми ветками, сбитыми ветром. При каждом шаге ветки хрустели, и тогда начинал тихо ворчать в своей будке старый цепной пес. Он тоже умирал, как и его хозяин, и уже не мог лаять.

Несколько лет назад повар ослеп от жара печей. Управляющий графини поселил его в сторожке и выдавал ему время от времени несколько флоринов.

Вместе с поваром жила его дочь Мария, девушка лет восемнадцати. Все убранство сторожки составляли кровать, хромые скамейки, грубый стол, фаянсовая посуда, покрытая трещинами, и, наконец, клавесин — единственное богатство Марии.

Клавесин был такой старый, что струны его пели долго и тихо в ответ на все возникавшие вокруг звуки. Повар, смеясь, называл клавесин сторожем своего дома. Ни-

кто не входил в дом без того, чтобы клавишин не встретил его дрожащим гулом.

Когда Мария умыла умирающего и надела на него чистую рубаху, старик сказал:

— Я всегда не любил священников и монахов. Я не могу позвать исповедника, между тем мне нужно перед смертью очистить свою совесть.

— Что же делать? — испуганно спросила Мария.

— Выйди на улицу, — сказал старик, — и попроси первого встречного зайти в наш дом, чтобы исповедать умирающего. Тебе никто не откажет.

— Наша улица такая пустынная... — прошептала Мария, накинула платок и вышла.

Она пробежала через сад, с трудом открыла заржавленную калитку и остановилась. Улица была пуста. Ветер нес по ней листья, а с темного неба падали холодные капли дождя.

Мария долго ждала и прислушивалась. Наконец ей показалось, что вдоль ограды идет и напевает какой-то человек. Она сделала несколько шагов ему навстречу, столкнулась с ним и вскрикнула. Человек остановился и спросил:

— Кто здесь?

Мария схватила его за руку и дрожащим голосом передала просьбу отца.

— Хорошо, — спокойно сказал человек. — Хотя я не священник, но это все равно. Пойдемте.

Они вошли в дом. При свече Мария увидела худого маленького человека. Он сбросил на скамейку плащ. Одет он был с изяществом и простотой — огонь свечи поблескивал на его черном камзоле, хрустальных пуговицах и кружевном жабо.

Он был еще очень молод, этот незнакомец. Совсем по-мальчишески он тряхнул головой, поправил напудренный парик, быстро придвинул к кровати табурет, сел и, наклонившись, пристально и весело посмотрел в лицо умирающему.

— Говорите! Может быть, властью, данной мне не от бога, а от искусства, которому я служу, я облегчу ваши последние минуты и сниму тяжесть с вашей души.

— Я работал всю жизнь, пока не ослеп, — прошептал старик и притянул незнакомца за руку поближе к себе. — А кто работает, у того нет времени грешить. Когда заболела чахоткой моя

жена — ее звали Мартой, — лекарь прописал ей разные дорогие лекарства и приказал кормить ее сливками и винными ягодами и поить горячим красным вином. Вот тогда я украл из сервиза графини Тун маленькое золотое блюдо, разбил его на куски и продал. Мне тяжело теперь вспоминать об этом и скрывать от дочери: я научил ее не трогать ни пылинки с чужого стола.

— А кто-нибудь из слуг графини пострадал за это? — спросил незнакомец.

— Клянусь, сударь, никто, — ответил старик и заплакал. — Если бы я знал, что золото не поможет моей Марте, разве я мог бы украсть!

— Как вас зовут? — спросил незнакомец.

— Иоганн Мейер, сударь.

— Так вот, Иоганн Мейер, — сказал незнакомец и положил ладонь на слепые глаза старика, — вы невинны перед людьми. То, что вы совершили, не есть грех и не является кражей, а, наоборот, может быть зачтено вам как подвиг любви.

— Аминь! — прошептал старик.

— Аминь! — повторил незнакомец. — А теперь скажите мне вашу последнюю волю.

— Я хочу, чтобы кто-нибудь позаботился о Марии.

— Я сделаю это. А еще чего вы хотите?

Умирающий неожиданно улыбнулся и громко сказал:

— Я хотел бы еще раз увидеть Марту такой, какой встретил ее в молодости. Увидеть солнце и этот старый сад, когда он зацветет весной. Но это невозможно, сударь. Не сердитесь на меня за глупые слова. Болезнь, должно быть, совсем сбила меня с толку.

— Хорошо, — сказал незнакомец и поднялся. — Хорошо, — повторил он, подошел к клавишину и сел перед ним на табурет. — Хорошо! — громко сказал он в третий раз, и внезапно быстрый звон рассыпался по сторожке, как будто на пол бросили сотни хрустальных шариков. — Слушайте, — сказал незнакомец. — Слушайте и смотрите.

Он заиграл. Необыкновенная бледность покрыла его лоб, а в потемневших глазах качался язычок свечи.

Клавесин пел полным голосом впервые за многие годы. Он наполнял своими звуками не только сторожку, но и весь сад. Старый пес вылез из будки, сидел, склонив голову набок,

и, насторожившись, тихонько помахивал хвостом. Начал идти мокрый снег, но пес только потряхивал ушами.

— Я вижу, сударь! — сказал старик и приподнялся на кровати. — Я вижу день, когда я встретился с Мартой, и она от смущения разбила кувшин с молоком. Это было зимой в горах. Небо стояло прозрачное, как синее стекло, и Марта смеялась. Смеялась, — повторил он, прислушиваясь к журчанию струн.

Незнакомец играл, глядя в черное окно.

— А теперь, — спросил он, — вы видите что-нибудь?

Старик молчал, прислушиваясь.

— Неужели вы не видите, — быстро проговорил незнакомец, не переставая играть, — что ночь из черной сделалась синей, а потом голубой, и теплый свет уже падает откуда-то сверху, и на старых ветках ваших деревьев распускаются белые цветы. По-моему, это цветы яблони, хотя отсюда, из комнаты, они похожи на большие тюльпаны. Вы видите: первый луч упал на каменную ограду, нагрел ее, и от нее поднимается пар. Это, должно быть, высыхает мох, наполненный растаявшим снегом. А небо делается все выше, все синей, все великолепнее, и стаи птиц уже летят на север над нашей старой Веной.

— Я вижу все это! — крикнул старик.

Тихо проскрипела педаль, и клавишин запел торжественно, как будто пел не он, а сотни ликующих голов.

— Нет, сударь, — сказала Мария незнакомцу, — эти цветы совсем не похожи на тюльпаны. Это яблони распустились за одну ночь.

— Открой окна, Мария, — попросил старик.

Мария открыла окна. Холодный воздух ворвался в комнату. Незнакомец продолжал играть, очень тихо и медленно.

Старик упал на подушки, жадно задышал и шарил по одеялу руками. Мария бросилась к нему. Незнакомец перестал играть и сидел у клавишина не двигаясь, будто заколдованный собственной музыкой.

Мария вскрикнула. Незнакомец встал и подошел к кровати. Старик сказал, задыхаясь:

— Я видел все так ясно, как много лет назад. Но я не хотел бы умереть и не узнать... имя. Имя!

— Меня зовут Вольфганг Амадей Моцарт, — ответил незнакомец.

Мария отступила от кровати и низко, почти касаясь коленом пола, склонилась перед великим музыкантом.

Когда она выпрямилась, старик был уже мертв. Заря разгоралась за окнами, и в ее свете стоял сад, засыпанный цветами мокрого снега. ☞

НЕСУЩИЕ РУСЬ В СЕБЕ

Денис Логинов

Едва ли в русском сообществе Брюсселя нужно кому-то объяснять, кто такие чета Пушкиных. Речь идет не о совпадениях. Бельгийцы Александр Александрович Пушкин и его супруга Мария Александровна — потомки великого Александра Сергеевича Пушкина. Александр Александрович — единственный прямой и, увы, последний потомок по линии поэта, а Мария Александровна (в девичестве Дурново) тоже из рода Пушкиных, но по женской линии.

Точно так же, как это происходило с тысячами русских людей, вынужденных покинуть родину из-за Октябрьской революции и последовавших за ней трагических событий, семья Пушкиных эмигрировала в Турцию, а после долгих скитаний по Европе обосновалась в 1923 году в Бельгии.

В Брюсселе в 1942 году и родился Александр Александрович. Еще в детстве, отдыхая с родителями в Приморских Альпах, он познакомился с Машей Дурново. 11 января 1969 года Александр и Мария стали мужем и женой.

У этих замечательных людей много наград, но недавно они получили особенную. Посол России в Бельгии Александр Романов вручил им медаль «За любовь и верность», учрежденную в 2009 году.

Мне приходилось бывать в гостях у этой гостеприимной четы. Вот и теперь мы беседуем в их квартире на брюссельской avenue De Fré.

— Александр Александрович, вы родились в Брюсселе, Мария Александровна — в Париже. Католическая среда, французоязычное образование. Русскими вы себя, вообще-то, ощущали?

А. А.: Конечно, и с самого детства. Когда я был маленьким, мы дома всегда говорили по-русски. Так же было и в семье моей супруги. Меня воспитывали на русской культуре, на русских традициях, на православии. Так мы привыкли и так продолжаем жить. Да, я родился в Брюсселе, живу среди бельгийцев-католиков, но мои душа и голова «работают», можно сказать, по-русски. Как, кстати, и у Маши. Нас, например, до сих пор шокирует, что, если вы придете к бельгийцам во вре-

мя обеда, вас никогда не посадят за стол, а попросят где-нибудь подождать. В России же сразу пригласят за стол со всеми вместе: общие разговоры, закуска, питье — это же замечательно! Вот так и сказывается разница менталитетов.

Я помню, когда мои родители приглашали на обед гостей, он начинался в обеденное время и заканчивался вечером. Весь день сидели за столом, разговаривали, пили водку, закусывали. Все это у нас осталось, мы с супругой стараемся сохранять семейную традицию. Правда, одна традиция — пасхальные застолья — потерялась, и нам очень жаль. Раньше на Пасху хозяйка сидела дома и принимала гостей, а мужчины ходили по другим домам. Так и крутилось все между друзьями и знакомыми. Я очень любил это время и очень хорошо его помню.

М. А.: У нас в семье тоже, когда я была маленькой, говорили по-русски. А потом, когда мы начали ходить в школу, стали обучаться французскому языку. Но наш папа строго требовал не забывать русских традиций, потому что мечтал вернуться в Россию. Для него была только одна родина — Россия, несмотря на то что он получил французское гражданство. А вот мама в Россию не хотела. Она покинула родину в десятилетнем возрасте и хорошо помнила, как семья бежала в Турцию, из Турции — во Францию. Наверное, эти тяжелые впечатления маленького ребенка остались в памяти на всю жизнь, поэтому мама и не хотела возвращаться. И лишь в свои последние годы она иногда говорила мне: «Может быть, я и поеду туда». Но ей было уже 95 лет, и не думаю, что она смогла бы полететь в Россию.

— А чем была Россия для вас? Возникало желание туда съездить?

А. А.: В советское время — никогда. Но мы все равно испытывали теплое чувство к России. Мой папа довольно хорошо ее помнил и часто нам о ней рассказывал. Машина мама тоже. Поэтому нас всегда тянуло на родину родителей. В 1958 году в Бельгии была Всемирная выставка, и Россия тоже принимала в ней участие. Однажды позвонили моему дедушке Николаю Александровичу и пригласили его с семьей осмотреть советскую экспозицию в день, когда павильон был закрыт. Мы пошли

все вместе: дедушка, бабушка, папа, мама и я. Нам все показали, объяснили, потом устроили чаепитие. И один господин спросил моего дедушку: «Не хотите ли вернуться в Россию?». Дедушка ответил: «Пока она советская, я никогда туда не вернусь». А в 1994 году нам позвонил Сергей Михайлович Некрасов, директор Всероссийского Пушкинского музея, и пригласил нас приехать. Мы ответили: «Да, теперь поедем. Россия стала свободной, и на это нужно посмотреть».

Когда мы приехали первый раз, это была такая радость — ощутить себя в России. Мы сразу почувствовали себя дома, гуляли по Невскому проспекту с Марией Александровной, и все было так по-русски...

Однако нас напугало то, что в магазинах почти ничего не было, и мы говорили между собой: «Сколько же понадобится времени, чтобы Россия поднялась!». И вот максимум за пять лет она сумела подняться. Не только подняться — нас догнать. Теперь, когда вы ходите по Санкт-Петербургу, или по Елисейским Полям, или где-нибудь по торговой улице Брюсселя — все то же самое. В магазинах изобилие товаров. Конечно, есть и бедные люди. Особенно трудно жить пенсионерам. Молодые зарабатывают довольно хорошо, а на российскую пенсию прожить очень сложно, это я понимаю. Но, к счастью, русские и в бедности остаются славными людьми. В первый наш приезд нас пригласила в гости одна дама, которая руководила Музеем Достоевского в Петербурге. Она была небогата, но выложила на стол все, что было в доме. Мы с ней провели почти четыре часа, говорили обо всем на свете и чувствовали себя, как в родной семье, хотя раньше знакомы не были.

М. А.: И в Бельгии много бедных. У некоторых совсем ничего нет, и они живут на улице. Но ведь так во всех странах,

не только в России. В Бельгии тоже очень трудно. Теперь еще труднее, чем раньше, потому что с экономическим кризисом многие люди потеряли деньги. Бельгия — маленькая страна, 11 миллионов жителей, и то у наших политиков ничего не получается. А когда такая большая страна и 150 миллионов населения, которые еще и говорят на разных языках, — это намного труднее.

А. А.: Мы стараемся объяснять, что Россия не такая плохая, как ее представляют, и уже пять лет показываем нашим друзьям-бельгийцам Россию. Она такая, какая есть, с хорошими и плохими сторонами, как и везде. Нашим друзьям очень нравится гостеприимный и любезный русский народ. О русских на Западе часто говорят, что это плохие люди с ужасным воспитанием. Но вот бельгийцы приезжают в Россию, встречают этих «плохих» русских, заводят с ними дружбу, вступают в переписку. Нам все это очень приятно.

— Александр Александрович, вы у нас еще и предводитель Русского дворянского собрания Бельгии. Допустим, наступит момент, когда вы решите отойти от дел, не захотите больше этим заниматься. Кто вас может заменить?

А. А.: Я надеюсь продолжать, сколько хватит сил. Но есть у нас и молодые дворяне. К сожалению, они уже почти не говорят по-русски, и это самое грустное. Они католики, не православные, естественно, у них отсутствует русский менталитет. Мы последнее поколение с русской душой и любовью к России. А новые... да, у них русские корни, но они не носят, как мы, Русь в себе.

— *Мария Александровна, вы уже не один год руководите фондом Пушкина, который создали вместе с Александром Александровичем. Каковы цели этого фонда?*

М. А.: Александр Александрович — последний прямой потомок русского поэта. Детей у нас нет, поэтому мы хотели, чтобы после нас что-нибудь, связанное с Пушкиным, осталось в Бельгии. В 1999 году мы создали Международный фонд Пушкина. В том же году российское правительство подарило Бельгии памятник Пушкину работы скульптора Георгия Франгуляна, который установлен на авеню Дю Жюбиле. И теперь бельгийцы немного лучше знают Пушкина. Когда они видят этот памятник, сразу интересуются, в честь кого он поставлен.

Целью нашего фонда является культурный обмен между Россией и Бельгией. Кроме того, фонд помогает российским детям, страдающим раковыми заболеваниями. Одиннадцать лет он оказывает помощь детскому отделению Петербургского научно-исследовательского института онкологии имени Петрова. Мы собираем деньги и покупаем оборудование. Надеемся, что эта помощь будет продолжаться. Кто хочет, может поддержать наш фонд и присылать средства по адресу: Fondation Internationale Pouchkine, avenue De Fré, 106, 1180 Bruxelles, Belgique. Можно также действовать через наш Web-сайт. На его страницах на французском, русском, нидерландском и английском языках рассказывается, чем мы занимаемся. Конечно, сайт пока еще не безупречен: нельзя все сделать сразу, когда дело построено в основном на энтузиазме. Но все равно — добро пожаловать на www.pouchkine.org. ☛

ДЖОРДЖ РОМНИ И ЛЕДИ ГАМИЛЬТОН

Ирина Опимах

Обычно в искусстве бывает так: великий художник, написав однажды портрет некой особы, навечно вписывает ее имя в анналы истории. В этом же случае все иначе: художник, несомненно, талантливый, но далеко не гениальный, остался в памяти людей исключительно благодаря своей модели.

Художника звали Джордж Ромни, а его модель — леди Гамильтон.

Джордж Ромни родился в 1734 году в Долтон-ин-Фернес, в графстве Ланкашир. Его отец, краснодеревщик, увидев, что сын в школе отнюдь не блещет (позже, когда Ромни уже был знаменит и богат, многие поражались его полной безграмотности), решил привлечь его к работе в мастерской. Вот тут и стало ясно: у мальчика явные способности к рисованию — он замечательно рисовал портреты отцовских подмастерьев, копировал картинки из журналов.

В 21 год Джордж познакомился с настоящим художником — Кристофером Стилем. Четыре года проучился Ромни у Стиля,

Джордж Ромни, «Эмма, леди Гамильтон», дата неизвестна

и все это время путешествовал с учителем — видно, тот давал ему не только уроки живописи, но и уроки жизни.

В 1758 году Ромни вернулся на родину и — женился. Женился на милой девушке, которая преданно ухаживала за ним, когда он болел. Через два года у них уже было двое детей, и нужно было зарабатывать на хлеб. Ромни зарабатывал — писал портреты по заказу жителей окрестных городков, вряд ли понимавших что-либо в высоком искусстве. То, что он делал, его, естественно,

не удовлетворяло, да и тихая семейная жизнь в провинции была не для него. Так или иначе, в 1761 году Джордж переехал в Лондон.

Постепенно, пробуя себя в разных жанрах — он писал не только портреты, но и исторические картины, — Ромни добивается успеха. А после поездок в Париж и Италию его кисть приобретает уверенность, палитра — теплоту и богатство оттенков, а кошелек — достойное содержание. И Джордж понял: его конек — это портрет, именно благодаря портретам он займет достойное место в обществе. Ромни снял большой дом на Кавендиш-Сквер, куда приглашал своих моделей и писал портреты, пользовавшиеся большим успехом. Даже признанный глава лондонских художников Рейнолдс занервничал — его сопернику позировал весь цвет тогдашней английской культуры: философ Эдмунд Берк, актеры Дэвид Гарик и Сара Сиддонс, поэт Уильям Блейк, врач и поэт Эразм Дарвин (дед Чарльза Дарвина), драматург Ричард Шеридан...

Но все признавали, что особенно Ромни удаются женские портреты — для него не существовало некрасивых, старых и несчастных, все дамы на его картинах милы, очаровательны, прелестны...

И вот однажды порог его мастерской переступила юная Эмма Лайон (так звали тогда будущую леди Гамильтон). К этому моменту ей пришлось пройти уже довольно длинный и непростой путь. Она родилась в 1765 году в графстве Чешир. Точно известно, кто была ее мать, а вот по поводу отца существует несколько версий: что ее отцом был кузнец Лайон, который рано скончался, и что она — дочь некоего аристократа, бросившего ее мать во время беременности. Девочке пришлось работать с шести лет — она пасла овец, нянчила детей. А в пятнадцать приехала в Лондон. У нее не было ничего — ничего, кроме ее потрясающей красоты, которая не осталась незамеченной. Однажды Эмму увидел некто доктор Грэхем, шарлатан и авантюрист. На своих представлениях в так называемом «Храме здоровья» он рассказывал и показывал, как устроено человеческое тело. А Эмму он использовал в образе богини медицины Гигии — ее молодое и красивое тело, лишь слегка прикрытое прозрачной накидкой, привлекало на эти вечера ценителей женской красоты, каковых в Лондоне во все времена было немало.

Однажды на сеанс доктора Грэхема попал и Ромни. Увидев Эмму, он сразу понял: эта девушка — идеал красоты, и он обязательно должен написать ее портрет! Эмма пришла к нему в мастерскую... Ромни — сорок восемь, ей — девятнадцать. Но разве для него что-то значила эта разница в возрасте? Ромни влюбился — влюбился, как юнец. Несколько лет посвятил он Эмме — неустанно старался запечатлеть ее прекрасные черты на холсте, поймать очарование ее лица, тела, ее пластику. Он писал Эмму в разных позах и в разных образах: она и вакханка, и Жанна д'Арк, и античная богиня, и томная турчанка, и Мария Магдалина, и просто милая жительница Лондона середины XVIII века... Он воспевал ее красоту, создавая настоящий культ. Наверняка Эмма понимала, какое сильное чувство испытывает к ней художник, но он казался ей стариком, да и не настолько богатым, чтобы полностью отдаться его власти. Ее красота заслуживала большего, считала она. И вот однажды один из ее портретов приобрел молодой и богатый аристократ Гарри Фезерстонхоф. А вскоре ему захотелось обладать не только картиной, но и моделью. И Эмма стала его содержанкой. Она развлекала сэра Генри и его приятелей, танцую обнаженной на столе в гостиной его загородного дома. Однако через полгода сэр Гарри выгнал ее — необразованность и невоспитанность, а также мотовство Эммы его раздражали.

В отчаянии она стала искать поддержку у еще одного знакомого Ромни, тоже большого любителя искусства — у богатого и высокородного своего поклонника Чарльза Гренвиля, младшего сына герцога Уорвика. Тот согласился взять ее к себе, правда, с условием, что она будет вести скромный и благоразумный образ жизни. Даже дал ей новое имя — теперь ее звали Эмма Харт. У Эммы не было выбора, тем более что Гренвиль ей действительно очень нравился, как нравился и особняк, который он снял для нее, и деньги, и положение в обществе ее нового покровителя. Четыре года Эмма прожила с Гренвилем, и эти годы многое значили для нее. Во-первых, она по-настоящему полюбила его, а во-вторых, за это время стала совсем другим человеком — приобрела светский лоск, освоила приличные манеры, научилась элегантно одеваться и даже стала слегка разбираться в литературе и искусстве. В последнем ей помогал Ромни — Гренвиль разрешил Эмме два раза в неделю посещать

художника, а тот по-прежнему отчаянно, без всяких надежд на взаимность любил ее и вдохновенно писал...

Наверное, Эмма надеялась, что Гренвиль когда-нибудь все-таки на ней женится, но тот даже и не думал о браке с этой красивой, но безродной девушкой с сомнительным прошлым. На содержанках в приличном обществе, как правило, не женятся. К тому же она уже начала ему надоедать.

Однажды к Гренвилю приехал его дядя лорд Уильям Гамильтон. Этот богатый, высокопоставленный (посол Англии в Неаполе), еще не очень старый (ему было 55 лет), вполне крепкий и очень милый джентльмен увлекался поэзией, искусством и историей. Жена лорда умерла, детей у них не было, и племянник являлся его единственным наследником. Но дядя вполне способен жениться снова, да и сам Гренвиль подумывал о богатой невесте, такая уже была на примете — Генриетта Мидлтон. Вряд ли ей понравилось бы присутствие в его доме очаровательной Эммы. Очень может быть, что подобные мысли крутились в голове Гренвиля, когда он знакомил Эмму с Гамильтоном. Не влюбиться в Эмму невозможно, но не станет же дядя жениться на ней! Зато, если влюбится, не женится уже и ни на ком другом. Все так и получилось: Гамильтон как мальчишка влюбился в Эмму, и добрый племянник уступил ему свою содержанку. Ни о чем не подозревавшая Эмма, с удовольствием приняв приглашение лорда навестить его в Неаполе, приехала в Италию, а спустя некоторое время получила от Гренвиля письмо, в котором он жестко и однозначно прояснил ситуацию: отныне ее, Эммы, покровитель — лорд Гамильтон. Эмма глубоко оскорбилась. Теперь она уже не та простушка, которую можно было так легко передавать из рук в руки. И она поклялась отомстить Гренвилю — она станет леди Гамильтон!

Так и произошло. Лорд Гамильтон все-таки решил сделать предложение обворожительной Эмме.

Свадьбу назначили на 6 сентября 1791 года, и в августе будущая чета приехала в Лондон. А через несколько дней после приезда Эмма появилась в мастерской старого друга Ромни, чтобы позировать для своего нового портрета — портрета будущей леди Гамильтон. Ромни был счастлив — его Эмма снова с ним, он снова слышит ее голос, видит ее прекрасное лицо. А она как никогда жалела художника — пройдя через предательство любимого, поняв,

Джордж Ромни,
«Посланница»,
1791 г.

что стала разменной пешкой в циничной, отвратительной игре, Эмма теперь больше всего ценила бескорыстие и искренность чувств. Они в чем-то были так похожи — оба старались завоевать место под солнцем, оба были из простых и всегда чувствовали презрение людей богатых и высокопоставленных.

В те дни они понимали — это последние их встречи, ведь Эмму ждала жизнь супруги посланника, и когда еще она окажется в Лондоне...

6 сентября лорд Гамильтон и Эмма Харт обвенчались. В день свадьбы она последний раз навестила Ромни — художник заканчивал этюд для ее последнего портрета. На холсте была уже не та Эмма, девушка с сомнительным прошлым, которую он хорошо знал, не античная богиня и не библейская героиня, а настоящая аристократка, богатая, уверенная в себе светская дама. Позже, когда эта работа будет закончена, Ромни назовет ее «Посланница».

Художник тяжело переживал отъезд Эммы — муза покинула его, и искусство стало уже не столь важно, как прежде. Конечно, до него доходили вести из Неаполя: о том, как достойно вела себя Эмма в качестве супруги английского посла, как блистала она в неаполитанском высшем свете, как подружилась с неаполитанской королевой Марией-Каролиной. Говорили даже, что та поверяла бывшей содержанке свои тайны и самые заветные мечты, более

Джордж Ромни,
«Портрет
художника»,
1802 г.

того, советовалась с ней, принимая важнейшие политические решения! Говорили в Лондоне и о том, как разгорался роман Эммы с адмиралом Горацием Нельсоном. Да что там говорили, об этом романе судачили на каждом углу! Ромни впал в депрессию, а потом, один за другим, с ним случились два удара. Беспомощный, одинокий, больной, он вдруг вспомнил о своей жене — когда-то она выходила его после тяжелой болезни, — и в 1799 году, почти через 37 лет, он вернулся в Кендал. Самое удивительное, жена его простила, впустила снова не только в дом, но и в свое сердце. Поистине, история Пер Гюнта и преданной Сольвейг происходит иногда и в жизни...

Но болезнь все-таки взяла свое — 15 ноября 1802 года Джордж Ромни скончался. Похороны были очень скромные, свой последний приют художник нашел на местном кендальском кладбище.

А жизнь его музы продолжалась и была не менее драматичной. Все осуждали Нельсона за его связь с Эммой Гамильтон,

а он несмотря ни на что никак не мог покинуть свою возлюбленную. «Единственная жена перед богом», — говорил он о ней. А что же Гамильтон? Тот все терпел, закрывая глаза на измену и изображая, что ничего не знает.

Летом 1800 года Гамильтоны и Нельсон вернулись в Лондон, а через год адмирал ушел от жены, хотя официального развода не получил. Он купил за городом дом и часто проводил там время с той, которую называл «драгоценной Эммой». Лорд по-прежнему все прощал своей супруге, прощал и тогда, когда она родила Нельсону дочь. Девочка получила имя Горация. Но свет не желал прощать выскочку, которая сначала сумела женить на себе лорда Гамильтона, а потом свела с ума героя Англии адмирала Нельсона. Если адмирала всюду по-прежнему принимали с распростертыми объятиями, ее не принимали нигде. Между тем старый лорд Гамильтон умер. Говорили, что, когда он уходил в мир иной, Эмма его обнимала, а Нельсон держал за руку. Так это было или нет, но богатый муж оставил Эмме лишь 800 фунтов ежегодной ренты. Все остальное было отписано любящему и любимому племяннику Гренвилю.

А потом Нельсон ушел в море. Впереди было Трафальгарское сражение, во время которого, как говорил Уинстон Черчилль, «Нельсон собою заслони́л Англию от Наполеона». В бою адмирал был смертельно ранен. Ему тогда было сорок семь лет. Его последние слова: «Я завещаю леди Гамильтон и мою дочь Горацию родине».

Нельсона похоронили 9 января 1806 года в Лондоне, в соборе Святого Павла, чуть позже центральную площадь города назвали Трафальгарской, а в центре ее поставили памятник великому адмиралу.

Несчастливая Эмма, узнав о смерти любимого, тяжело заболела. Она оказалась совершенно одна, все от нее отвернулись. Мало того, не пустили даже на похороны!

У нее были средства — довольно скромные, но дававшие возможность жить не бедствуя. Однако Эмма привыкла к совсем другому уровню жизни, в результате вдова английского посла и любимая женщина героя Англии попала летом 1813 года в долговую тюрьму. Проведя в заключении десять месяцев, она, дабы не попасть в тюрьму снова, решила бежать во Францию — вместе с Горацией (по другой версии, родственники Нельсона отняли

у нее дочь сразу же после смерти адмирала) и пятьюдесятью фунтами в кармане. Эмма никак не могла привыкнуть, что теперь она уже не так богата, поэтому сначала она остановилась в дорогом отеле, а потом вынуждена была перебраться в более дешевые апартаменты. Тень нищеты замаячила перед ней, и, забыв о гордости, она обратилась за помощью к официальной вдове адмирала, но получила отказ. Эмма продала все, что у нее еще было, даже медальон, который Нельсон подарил дочери, но ничто уже не могло спасти ее. Она запила, пытаясь в алкоголе найти утешение, но разве его найдешь, когда потеряно все...

Эмма Гамильтон умерла в январе 1815 года в Кале. В последний путь ее провожали английские моряки — офицеры с английских кораблей, оказавшиеся в тот день в порту. Они хоронили любимую женщину их героя адмирала Нельсона. Об Эмме Гамильтон написаны романы, ей посвящены исторические исследования, о ней снимают фильмы и ставят спектакли. Сыграть ее в кино или в театре — огромное счастье для любой актрисы. (Один из самых знаменитых фильмов мирового кинематографа — «Леди Гамильтон», где Эмму сыграла Вивьен Ли, а Нельсона — Лоуренс Оливье. На многочисленных фотографиях Вивьен Ли в образе Эммы — позы, знакомые нам по портретам Ромни.) Эта женщина, обладавшая потрясающей, изысканной красотой, несомненно, очень неглупая, смогла из бедной, необразованной деревенской девушки стать настоящей аристократкой и завоевать любовь выдающихся мужчин своего времени. Среди них — национальный герой Англии адмирал Нельсон, посол лорд Гамильтон и замечательный художник Джордж Ромни, благодаря которому мы в полной мере можем оценить ее удивительную, трагичную красоту... ☞

Андрей Николаев, Сергей Чекмаев

Реликт

Полосатый зверь подышал. Брюхо его было распорото от грудины почти до хвоста. Исходящие паром внутренности неопрятной кучей волочили следом, когда зверь перекатывался по влажной траве, пытаясь ухватить их зубами. Неподалеку стоя таких же остромордых и полосатых рвала на куски гигантскую птицу. Та еще пыталась отбиваться, достать хищников огромным изогнутым клювом, но это уже была агония.

— По-моему, этот подойдет.

— Мелковат.

— Он и должен выглядеть игрушкой, ему умиление вызывать надо, а не инфаркт. Но какие повадки, а? Охрана — это та же охота, только со знаком плюс. Все должно быть на уровне инстинкта, подсознательно. Через миллионы лет ему равных не будет. В некотором смысле эволюция — это вырождение, и какой-нибудь мастино или ротвейлер для него просто боксерская груша! Заменяем...

— Эволюция не может быть вырождением по определению.

— Заменяем когти, зубы, поставим на крайний случай плазменный заряд.

— Да он ноги таскать не сможет!
— А мы усилим скелет, мышцы, потренируется полгода, побегаёт. Нет, думаю, это то что надо.
— Какой-то он неуклюжий. Так вот подставиться...
— Неуклюжий? Да он лидер! Он же первым бросился на эту жирафу в перьях.
— Ну, как знаешь. А если не согласится?
— Выбора у него нет. Иначе свои сожрут, как только доедят птицу. Все, начинаем, а то поздно будет.

Возле бьющегося тела в полупрозрачном столбе света возникли два человека.

Глаза зверя, подернувшиеся предсмертной пеленой, прояснились. Он поднял голову, взглянул на рвущихся к нему сородичей и попытался завывать. Но сил уже не было.

— Фу, какая вонь! — наморщил нос первый человек.
— Да, ему досталось... Ты уже поработал с его мозгом? Так отойди в сторону, теоретик, — второй присел на корточки, приподнял мокрую от слюны и пены морду зверя и посмотрел в тоскливые слезящиеся глаза. — Ну, здравствуй, приятель, здравствуй. Вот этот теоретик считает, что ты неуклюжий неудачник, а я совсем другого мнения...

Сегодня меня опять ловили. Сижу себе в песочнице, ребятню развлекаю. Сереньке как раз последний кружочек на пирамиду помогаю надевать. Серенька веселый, а чего ему? Подгузник еще сухой, хотя и потяжелел изрядно. И песок можно есть прямо лопаткой, пока мамка отвлеклась, по мобильнику с кем-то разговаривает.

Слышу — едут. Я эту противную машину уже давно выучил. Точно! Заруливают. Ну-ну... Сегодня я решил не прятаться. Ну, сколько можно, а? С начала весны тут ошиваюсь, а эти все норовят подцепить. Я слышал, как мордатый с петлей все ходил, приговаривал:

— Ничего... в следующий раз мы тебя, буль проклятый, точно возьмем! Зуб даю.

Это он меня так называет. Я и вправду на бультерьера похож. Морда клином, только побольше да помохнатей, окрас серый, в темную полоску.

Мамаши детей похватили — кто на руки, кто в коляски — и разошлись. Я тоже из песочницы ушел — там города всякие

построены, пирамиды, зачем разрушать? отошел в сторонку, сел на задние лапы.

Мордатый подошел ко мне, помахивая куском колбасы:

— Жрать, небось, хочешь? На, ешь...

Бросил передо мной колбасу, палку с петлей наострил, примеривается. Я понюхал — колбаса как колбаса, ничего лишнего: мясо, крахмал, хвосты крысиные. Не стал мордатого разочаровывать и съел. А пока ел, он петлю мне на шею накиннул, к машине обернулся и закричал:

— Утюг, Утюг, я его взял!

Пока кричал, я веревку перекусил, по петле когтем чиркнул, отошел и опять сел.

Из кабины вылез Утюг, такой же мордатый, небритый, только ноги короткие.

— Ну и где твой буль?

— А-а, гад, петлю скусил!

— Что ты мне втираешь?! Инвентарь проверять надо! Где ты видел собак, которые могут петлю перекусить?

— Да ты чего, Утюг, не веришь? Сам посмотри...

Тот отмахнулся:

— Ладно, сейчас мы его сеткой возьмем.

Они долго бегали за мной по двору. Сначала с лаской, с уговорами. Потом, когда сетка запуталась окончательно, стали слова всякие говорить. Бабки у подъезда, на что привычные, и те покраснели.

— Эх, — вздохнул, наконец, уставший Утюг. — Вот ведь оно как бывает.

И они уехали. Жучку, правда, приبلудную прихватили, не успел я помешать. Хорошо, дети не видели, уж очень ласковая была Жучка. Она не за колбасой к мордатым пошла. За лаской. Ее кто погладит, тот и друг. Ведь у людей тоже так бывает.

Тут и Наташка моя из подъезда выскочила, я — к ней, понятное дело.

— Слышь-ка, опять сегодня Амура твоего поймать хотели, — повернулась к ней сидевшая на лавочке бабка Катя. Сегодня она была при параде — в цигейковом полушубке и подшитых валенках.

На глазах Наташки появились слезы.

— И что-о...?

— А он им веревку отъел.

— Так вы бы, баба Катя, сказали, что собака не бродячая, а моя.

— Эх, девонька, кто ж старуху послушает. У них план, а собака без ошейника. Но я, правда, им кой-чего сказала.

— Представляю, — засмеялась Наташка. — Амур, пойдешь со мной в магазин?

Конечно, пойду. Куда ты, туда и я. Один раз две остановки бежал. Ей в книжный надо было, через три квартала, она — в автобус, а я — в бега. Кто ж меня в автобус пустит?

— Наташ, а ты мать уговорила бы, — продолжала бабка Катя. — Возьмите собачку-то. Небольшая, но смотри, какая серьезная. Как он того кобеля погнал! Боец!

С неделю назад забежал во двор одичавший доберман. Начал кидаться на всех, ну, я его и придавил малость.

— Да все никак, — пригорюнилась Наташка. — Ты, говори, поиграешься, и все, а мне за ним ухаживать. А ведь он меня и в школу провожает, и из школы ждет.

«Ничего, — подумал я, — мы маму Таню как-нибудь со-обща уломаем».

У магазина я присел в сторонке, чтобы собаки не косились. Они хоть и чувствуют, что родня, но уж больно дальняя. Это точно. Там, откуда меня взяли, собак вообще не было.

Правда, для мамы Тани другие зверюги еще меньше подходили. Волкодава какого-нибудь двухметрового она ни за что в дом не пустит. А человека к девчонке-школьнице не приставишь — слишком заметно.

Наташка вышла с тяжелой сумкой в руках. Я подошел и схватился зубами за ручки — давай, мол.

— Куда тебе, Амурчик, она же больше тебя.

А ты дай, и все!

— Ну, хорошо, держи.

Я в холке и вправду невысок, не выше бульдога. Но сумку взял просто за ручки, на спину забросил и потрусил домой. Самое главное, ручки не перекусить от усердия. Наташка чуть не завизжала от восторга.

Когда подошли к подъезду, мама Таня как раз с работы возвращалась. Присела у подъезда с бабкой Катей поболтать. Удачно! Сейчас поведем атаку по всем правилам.

— Ну, ты смотри, Танюш, золотая зверюга! — принялась уговаривать ее бабка Катя. — Сумки на спине носит! Скоро у меня папироски стрелять начнет. Взяла бы его к себе. Не место ему на улице — пес, видно, ученый.

Я поставил сумку на тротуар, а сам головой в руку мамы Тани тыкнулся: посмотри, какой я!

— У-у, зверище, — проговорила мама Таня и потрепала меня по холке. — А кормить-то тебя чем, а? Вон, какой толстый.

Это я-то толстый?! Просто конституция такая. Да и ем все, чего не дай. Не хватит — крысы на помойке пока не перевелись. Не впервой.

— Ну, мам, ну, давай возьмем, — затынула Наташка. — Пожа-алуйста. Я все делать буду: и убирать, и гулять, и мыть, и прививки.

А я продолжаю носом в руки тыкаться. Кто тут устоит?

— Ладно, бери своего Амурчика, но смотри у меня!

Что тут началось! Визг, писк, чмокание. Суровая бабка Катя и та разулыбалась. И мы пошли домой. Пятый этаж без лифта, хрущоба двухкомнатная, но это ж не под лавкой во дворе!

Меня сразу стали мыть в четыре руки детским шампунем, сушить полотенцем и феном, кормить гречневой кашей и даже играть со мной в мяч! А спать я лег в прихожей. Хотели у двери положить, но тут уж я не уступил: коврик перенес куда хотел. Отсюда у меня и дверь, и балкон под контролем.

В выходные мы поехали покупать ошейник, поводок и намордник. Наташка просила самый красивый, но на мою морду не всякий налезет. Что подошло, то и купили. А на ошейник тут же сделали бляху с гравировкой «АМУР».

Потом отправились гулять в парк. День выдался солнечный, теплый. Меня, конечно, хотели оставить дома, но я показал, что до их приезда ни малую, ни большую нужду терпеть не стану. Всю обувь съем, диван прогрызу, а может, и холодильник — и меня взяли с собой. Доехали не без приключений. И пускать меня не хотели, и хвост прищемило, и лапы оттоптали, но работа есть работа! Да и не работа это уже, а удовольствие. Да-да! Кого не любили, тот не поймет. Для меня охранять эту девочку — одно удовольствие!

А через пару дней у Наташки был праздник. День рождения. Куча народу заявила, а меня закрыли на кухне. Я было попытался в щель выскользнуть, но мама Таня строго сказала:

— Сиди пока тут, Амурчик. Перепугаешь еще людей.

И как быть прикажете? Хорошо, Наташка не утерпела — похвастаться захотелось. Прибежала и закричала прямо с порога:

— Амур, пойдём знакомиться! Я тебя девчонкам покажу.

Ну, и поехало. Маша, Ирка, Дашута, Ксюха...

— Ой, какой!

— А погладить можно?

— Не кусается?..

В итоге всех гостей я обнюхал, всех проверил, погладить себя дал, в руки потыкался... Все остались довольны. Но стоило только мне расслабиться, как заявился этот, как его... одноклассник Наташкин, на Гарри Поттера похож. У Наташки на тумбочке книжка лежит, вот там на обложке — вылитый он. А я таких не люблю. Вечно все лучше всех знают.

Понятно, меня и с ним познакомили.

— Это Амур.

Гарри очками на меня сверкнул, смерил от ушей до хвоста, потом повернулся и проговорил:

— А порода какая?

Тут бы Наташке промолчать: не знаю, мол, не помню, у мамы спроси... Нет, лягнула, да еще гордо так:

— Бультерьер!

Девчонки засмеялись, а Гарри в позу надменную встал и сказал как отрезал:

— Никакой это не бультерьер. Это томарктус! На зубы его посмотрите!

— Кто?!

— Томарктус. Реликтовое млекопитающее. Один из прямых предков современных киноидных!

— Алик, не грузи! При чем здесь кино?

А, вот как его зовут — Алик.

Девчонки снова засмеялись. Действительно, я и кино — две совершенно несовместимые вещи!

Но Алика трудно было сбить с толку:

— Киноидные — это собакообразные. Кинос — собака по-древнегречески, если вы не знаете. Мне про них дядя рас-

сказывал, он палеонтолог, — и понес, и понес... — Ты, Наташка, даже не представляешь, когда они жили. Это же современники мамонтов! Да что там мамонты, возможно, и раньше, — продолжая вещать, он рассматривал меня таким холодным изучающим взглядом, что сразу захотелось спрятаться за кресло. Я даже жалобно заскулил, чтобы показать, насколько испуган.

— ...вели в основном ночной образ жизни, предпочитая одиночество, но объединялись в стаи при охоте на крупную добычу. Даже флороракос...

Заскучавшие было девчонки встрепенулись и хихикнули в ответ на незнакомое слово. Алику пришлось разъяснять:

— ...э-э, это такая птица, хищная, побольше страуса... Хотя для томарктуса он, пожалуй, великоват. У того было удлиненное тело и довольно короткие лапы...

Я думал, что эта пытка никогда не кончится. Алик вещал, девчонки клевали носами, а Наташка начала как-то особенно на меня поглядывать.

Положение спасла мама Таня.

— Эй, молодежь! К столу! Все готово!

Алик-Гарри поперхнулся на полуслове, девчонки с визгом побежали в большую комнату, а Наташка махнула рукой:

— Ладно, Алик, хватит. Ну, какой он реликт? Томат... томар...

— Томарктус.

— Вот-вот. Собака как собака. Только хорошая. Правда, Амурчик?

А как же. Хочешь, хвостом повиляю?

— Откуда он у тебя?

— Мы его купили! На Птичке. Там таких много.

— А родителей его ты видела?

Ситуация накалялась. Наташка покраснела, но тут опять вмешалась мама Таня:

— Наташа! Олег! Ну, где вы?

Вечером, когда все разошлись, Наташка рассказала маме Аликовы теории. Я же, старательно изображая вечно голодную собаку, сидел у стола и провожал жалобным взглядом каждый кусок вкусной еды, проходящий мимо меня. Вдруг мама Таня сказала:

— А он действительно необычный, а, Наташ? Посмотри, ему ведь не хочется есть, он как будто изображает голод.

Я привстал и заскулил, а Наташка рассмеялась.

— Он просто кушать хочет. На, Амурчик!

Я осторожно слизнул с ладони кусок котлеты и, жадно чавкая, проглотил.

— Хорошая собака, хорошая. Реликт ты наш полосатый.

Фу-у, вроде пронесло.

Наступило лето. На каникулы Наташка никуда не поехала. Просто некуда было, а в лагерь она не хотела. Из-за меня, конечно. Мама Таня повздыхала, попеняла мне, но потом решила, что в августе у нее будет отпуск, и мы все вместе отправимся к ее подруге под Истру. На дачу. А пока мы ездили купаться на водохранилище — всего-то десяток остановок на двух трамваях, ходили в парк на собачью площадку. В общем, как говорила бабка Катя, гулеванили.

На этой самой площадке я опять прокололся. То есть вначале все было, как и задумано: бревно очень узкое и скользкое, лестница слишком крутая, а в трубу я вообще не полезу — там темно и страшно. Но постепенно, к великой Наташкиной гордости, упорные тренировки пошли мне на пользу.

На площадку пузатый дядька в джинсах с подтяжками приводил бельгийскую овчарку. Для себя приносил упаковку баночного пива, а для псины — мешок костей из магазина «Собачий пир». Красивый пес, черный как смоль, звеня медалями, устраивал показательные выступления. И тут уж мешать не могли! Наташка обычно отводила меня в сторону, приговаривая:

— Вот, смотри и учись.

Я сидел и смотрел, хотя мне было глубоко по барабану, с какой элегантностью Экселенц (какое скромное, со вкусом подобранное имя!) берет барьеры и бегаёт по бревну. Бревно я давно освоил, а забор Наташке по макушку, и, если я его вдруг перепрыгну, народ сильно заинтересуется скромной полосатой дворняжкой.

В тот раз я не спеша шел по бревну, как вдруг сзади требовательно гавкнули. Черный Экселенц картинно взбегал на бревно и требовал уступить дорогу. Еще бы! За исполнение показательной программы ему полагалась куча разноцветных костей.

Наташка подбежала к пузатому хозяину.

— Ой, отзовите, пожалуйста, вашу собачку. Сейчас мы быстренько пройдем и не будем вам мешать.

— Ты лучше своего кабыздоха убери, а то как бы чего не вышло, — сказал дядька, прихлебывая «Хейнекен». — Экс, вперед!

— Что же вы делаете! — в отчаянии закричала Наташка и бросилась обратно к бревну. — Амур, ко мне!

Экс догнал меня в три прыжка и злобно гавкнул. Нет, брат, шалишь, теперь уж я не уйду. Развернувшись, я негромко зарычал. У бельгийца от неожиданности разъехались лапы, он шмякнулся грудью о бревно — только зубы клацнули — и позорно свалился на землю. Все замерли. И Наташка, и пузатый дядька, и остальные собаководы, с почтением наблюдавшие за тренировкой Экселенца.

— Ну, сейчас что-то будет, — сказала рыжая тетка, беря на поводок эрделя.

Экс бросился на меня прямо с земли. Я шагнул в сторону, и он, не удержавшись, пролетел вперед несколько метров.

— Взять его, Экс! Фас!

— Ой, не надо, дяденька...

Бельгиец уже разворачивался для атаки. Я знал, что будет дальше. Эх, потомки, у вас здесь кто больше, тот и молодец. Эволюция.

Экс летел на меня. Большой, черный, взбесившийся от злости.

Наташка тоненько вскрикнула.

Инстинктивное желание уступить дорогу и сбоку рвануть клыками шею мне удалось подавить. Но с трудом.

Я прыгнул с места, когда Экс был в паре метров от меня. Мы сшиблись в воздухе, я ударил плечом и грудью, и бельгиец под звон медалей закувыркался по траве. Не давая опомниться, я ударил еще раз, потом еще. Я катил его, как мяч, в сторону пузатого хозяина. Дядька выронил пиво, мешок с костями, взмахнул цепью и бросился спасать своего чемпиона. Я оставил Экса и, припав к земле, пошел на хозяина. Собаки так не нападают. Видно, я здорово разозлился, если подсознание взяло верх. Цепь, свистнув, пролетела над головой. Я метнулся вперед и перекусил ее прямо возле пальцев пузана. Дядька от неожиданности попятился, споткнулся и рухнул прямо на упаковку с пивом.

— Амур, нельзя! Фу!

Я остановился, но адреналин продолжал кипеть в крови. Наташка смотрела на меня круглыми глазами. Пузатый дядька, отряхиваясь и бормоча, что меня надо держать в клетке, побежал искать своего чемпиона, а собаководы как стояли, так и продолжали стоять, разинув рты.

Я поджал хвост и на полусогнутых лапах пошел к Наташке.

— Ты что, Амур... ты что это, а? Как это?

Я не буду больше, Наташ, не ругай меня.

— Пойдем-ка домой, реликт.

Дворняжка я! Никакой не реликт! Ну, посмотри же...

— Пойдем, пойдем.

Она взяла меня на поводок и потащила с площадки. Пока мне выговаривали, красивые кости из «Собачьего пира» уже подъели. Проходя, я понюхал пустой мешок. Пахло вкусно...

— Мама, я сама видела! Вот такую цепь перекусил! — Наташка показала на пальцах, какой толщины была цепь.

Не слушай ее, мама Таня! Такой цепью слона удавить можно, а та цепочка была тоненькая и ржавая!

— Ты не придумываешь?

— Да нет, точно. Все так и обалдели!

Мама Таня покачала головой.

— Да-а... Может, все-таки Алик прав, а?

Они сидели на кухне за столом. Наташка, нахмурясь, разглядывала меня, будто в первый раз увидела. Я распластался на полу, положив голову на лапы, и пытался выглядеть несчастным и обиженным.

— Ну-ка, Амур, чем ты там цепь перекусил? — мама Таня присела рядом со мной и пальцами приподняла мне губу. — Зубы как зубы. Белые, красивые. Вполне собачьи зубы.

Правильно, ничего необычного.

— Ладно, Наташ. Зато какой у тебя защитник! Только держи его на поводке, раз он такой буйный.

Ночью была гроза. Не люблю грозу. Видимо, где-то в подсознании остался островок первобытного страха. То есть я ее уже не боюсь, но опасюсь.

Все крепко спали, не обращая внимания на блеск молний, гром и шум дождя. Я побродил по комнатам, попил водички, выглянул на балкон. Дождь полупрозрачной завесой отгородил нашу квартиру от всего остального мира. А ведь сейчас

кто-то прячется под лавками во дворе, под деревьями. Брр! И я когда-то, в другой жизни, тоже прятался и скулил от страха. Правда, тогда грозы были пострашней. Это я хорошо помню.

Неприятный зуд возник где-то на затылке между ушами. Я насторожился. Зуд перешел в прерывистый гул, будто удары далекого колокола слились в один бесконечно долгий звук.

Пришло мое время. Наташку, конечно, будить не стоит — еще, чего доброго, со мной пойдет.

Мама Таня спала, свесив руку из-под одеяла. Я лизнул ее пальцы. Безрезультатно. Ммм... Ухватил осторожно одеяло и потянул. Когда холодный сырой воздух забрался под рубашку, она, наконец, заворочалась.

— Наташ, ты... Амур, ты что?

Я стянул одеяло и оттащил его на середину комнаты.

— Ты что, сдурел, что ли? Ну-ка, пошел отсюда!

Я жалобно заскулил и оглянулся на дверь.

— Ну, что еще? Газ, что ли, не выключили?

Мама Таня прошлепала босыми ногами на кухню, проверила плиту, потом заглянула в ванную.

— Чего тебе надо?

Я подбежал к входной двери и стал в нее царапаться.

— Да? А еще чего изволите? Время три часа ночи, а ему приспичило. Ты видел, что на улице делается? Потерпишь!

Я заскулил еще жалобней.

— Тихо ты, Наташку разбудишь! Вот, смотри, открываю дверь. Сделаешь свои дела — вернешься. Дверь запирачь не буду. Понял? И чтобы это было в первый и последний раз!

Кодовая дверь была приоткрыта, и я шмыгнул на улицу. У подъезда под козырьком сидела бабка Катя и смолила папироску.

— Ну что, Амур, не спится? И я в грозу спать не могу. Все войну вспоминаю. Вот такая же погодка была, когда мы в сорок четвертом...

Да знаю я, баб Кать, ты мне уж столько раз рассказывала. Извини, дела.

— Ну, беги погуляй. Тебе-то что, вон какой ковер на спине.

Гроза стихала: молний уже не было, ворчал, уходя, гром, и только дождь хлестал с прежней силой. Фонари вдоль дома не горели, а так, едва тлели тусклыми огоньками в кронах мокрых деревьев.

Меня ждали на углу, там, где не было даже рассеянного света. Я почуял его раньше, чем увидел, и был разочарован. Это была собака. Большой породистый ротвейлер. Он стоял, широко расставив мощные лапы, ожидая, кто придет остановить его. Он не был расположен к переговорам, но все-таки я решил его урезонить.

— Ты не получишь то, за чем пришел. Ты не понимаешь, что делаешь. Уходи!

— Меня выбрали, и это хороший выбор. Я знаю, ты не уйдешь с дороги, но это и не нужно. Ты умрешь первым.

Ротвейлер слегка присел, готовясь к нападению.

Интересно, как выглядел наш диалог со стороны. Стоят две собаки, смотрят друг на друга — ни лая, ни рычания. Игра в гляделки, да и только. Я понимал, что он говорит, но мысли его были тяжелые и ворочались с трудом, как камни в русле горной речки. Видимо, те, кто выбрал его, не стали кропотливо готовить посланца, тренировать, натаскивать. Просто взяли наиболее подходящее для убийства существо и наделили минимальным сознанием. Ну а чем его оснастили, сейчас увидим. Я не чувствовал злобы или неуверенности, ведь я долго готовился к этой схватке. Там, где я жил раньше, были звери куда серьезнее, да и не животное я ожидал увидеть.

Заскрежетал металл по асфальту — он выпустил лезвия из когтей, готовясь к броску. Напрасно. Рано. Прыгать неудобно. Ротвейлер, видимо, не знал, кто будет его соперником. Он тяжело поднял в прыжке свое тело.

Я прыгнул навстречу, чуть вбок, переворачиваясь в воздухе на спину и выпуская когти. Отбил его левую лапу — тут же посыпались искры. Что за железо ему поставили, если крошки летят? Лапа пошла вниз, голову он повернуть не успел, и я рванул снизу стальными когтями беззащитную глотку. Ротвейлер замер на растопыренных лапах, затем, неловко переступив, завалился на меня. Я лежал на спине, даже не потрудившись перекатиться в сторону. Горячая кровь хлынула на морду, уходя из сильного тела. Он пытался что-то сказать, но мысли, и прежде тяжелые, теперь совсем не слушались. Чужое сознание оставило его. Я уловил отчаяние, непонимание происходящего, ужас и страх перед надвигающимся и неизбежным. Уловил острое желание оказаться рядом с другом, с которым можно играть в мяч, тас-

кать в зубах колесо от «Жигулей», упиваясь собственной силой, спать на ковре у двери, радоваться похвалам и огорчаться неудовольствию хозяина, охранять детскую коляску с пищущим человечьим детенышем...

Все кончилось. Его большое тело в последний раз сотрясла крупная дрожь, хрипенье и бульканье затихли.

Я лежал в луже чужой крови, и сил подняться у меня уже не было. Видит бог, я не хотел этого. Но он пришел убить Наташку. Не по своей воле, но пришел. Я припомню этого бедолагу, если встречу с приславшими его.

Кое-как я добрал до водосточной трубы на углу дома. Лег в промоину и стал жадно пить отдающую ржавчиной воду, поворачиваясь то одним, то другим боком, чтобы смыть кровь.

— Ты молодец, приятель. Сделал все как надо. Теперь пойдем с нами.

Это были те двое, которые дали когда-то мне новую жизнь и отправили сюда за тысячи километров и миллионы лет от моего мира защищать ребенка. Они и в прошлый раз появились неожиданно, но тогда я валялся с распоротым брюхом, а сейчас должен был почувствовать их приближение раньше. Избаловался... Привык сладко есть и мягко спать...

— А как же Наташка? Ведь вы говорили, что на одной попытке они не остановятся?

— Это уже не важно, — сказал один. — Ребенок должен был погибнуть еще полгода назад. Мы не дали этому произойти, и теперь это отразилось на нашем времени. Наш мир меняется. И меняется катастрофически. Мы хотели поставить эксперимент и ошиблись. Да-да, мы тоже ошибаемся, как и современные люди, хотя и отличаемся от них, как ты от собак. Исчезновение одного человека этот мир не изменит. Несопоставимые величины. Социум просто не заметит потери. Но, если в ближайшее время девочка не умрет, последствия для будущего лично я не берусь предсказать.

— Ах, социум не заметит... А ее мать заметит? А старуха соседка? А те, кто ее любит и знает? А я? Кстати, ведь меня должны были сожрать еще в миоцене, но я жив, и мир в порядке.

Второй присел на корточки рядом со мной и склонил голову, будто с интересом разглядывал что-то неведомое.

— Ну, прямо доисторическая преданность. Ты и в самом деле реликт. Пойдем с нами, приятель, пойдем. У нас даже собаки живут долго, почти вечно. Оставь все как есть и...

Он поперхнулся словами, поскольку я встал и так энергично встряхнулся, что брызги дождевой воды веером прошлись по его лицу. Смахнув капли ладонью, он поднялся.

— Ты здорово изменился, приятель. Не забыл, кто ты, зачем ты и кому обязан практически всем, что имеешь? Можешь вернуться в свое время или можешь пойти с нами, — сухо проговорил он. — Здесь ты не останешься. Или останешься лежать рядом вон с той собакой.

— А Наташка?

— Нам приказано убрать тебя отсюда. Скажу больше: мы не можем забрать тебя силой, но в твоих интересах согласиться. Теперь ребенок не наша забота. И не твоя.

— Я остаюсь, — я слегка присел, стараясь держать обоих в поле зрения. — Кто из вас рискнет своей вечной жизнью? Ну? Ничего страшного, ведь социум не заметит.

Они переглянулись. Затем тот, кто говорил со мной, взял второго за ворот и притянул к себе.

— Ну что, теоретик? Что теперь?

Тот слабо пытался вырваться:

— Откуда я знаю? И вообще, ты привлек это существо, ты и...

— Я? Правильно, я. Ты только идеи подкидываешь. Я исполнитель, а ты, как всегда, в стороне! — он недобро глянул на меня. Я ждал. — Ладно, приятель, делай как знаешь. Тебе все равно ее не спасти.

«Теоретик» наклонился ко мне и почти прошипел:

— А от нас тебе будет сюрприз. Помнишь свою последнюю охоту? А-а, помнишь! Вот на ней и подохнешь! Я тебе обещаю! И они растворились в струях дождя.

Бабка Катя все еще сидела у подъезда. Я подошел и уселся рядом — надо было хоть немного обсохнуть.

— Амур, ты что, купался? Ишь, как вымок. А там рычал кто-то, ох, как страшно рычал. Я подумала: не ты ли с кем сцепился? Нет, баб Кать, не я. Я смирный и послушный.

— Ну, давай посидим поговорим. Ты хоть знаешь, почему тебя Наташка Амуrom назвала? Нет? Так это я подсказала. Да!

Смотри, говорю, какой зверь полосатый. Ну, прямо тигр амурский, да и только! Вот так-то.

Спасибо, баб Кать, мне нравится.

Два дня во дворе только и говорили об убитой собаке. Сошлись на том, что какие-то отморозки зарезали ни в чем не повинное беспомощное существо. Жаль, когти его никто не рассмотрел внимательно, а то бы постеснялись насчет беспомощности...

Только бабка Катя имела свое мнение, даже не мнение, а так, подозрение, но высказала его только мне.

— Ты ведь, Амур, гулял в ту ночь. А? Чего молчишь? Неужто не видел ничего?

Нет, баб Кать, ничего не видел.

— Ох, непростой ты пес, непростой. Ладно, не скажу никому, но ты уж за Наташкой пригляди, а то смотри, что делается.

Какой разговор, конечно, пригляжу. Недолго осталось. Те двое говорили, что в ближайшее время Наташку должны, ну... это. А если нет, то все обойдется. Уж я постараюсь, чтобы... м-м... обошлось.

— Чего это, на ночь глядя? До завтра не подождет? — мама Таня, прикрыв телефонную трубку ладонью, недовольно посмотрела на Наташку.

— Ну, мам, Ксюха говорит, завтра уже отдавать. Да я быстро!

— Одна нога здесь, другая там! Ясно? — махнула рукой мама Таня. — Алло, Свет... Нет, я не пропала, у Наташки подружке какую-то тряпку от Диора притащили, вот просится посмотреть. Пусть сбегает, это рядом, — она опять прикрыла рукой трубку и крикнула: — Наташка, денег все равно нет!

Только я прилечь собрался. Эх, жизнь собачья! Ну ладно, пошли, что ли. Наташ, не беги ты так, я же только что каши наелся. У-у, коза длинноногая.

На втором этаже мы обогнали бабку Катю. Она, держась за перила, потихоньку спускалась по лестнице и несла в руке металлический ящичек с красным крестом на крышке.

— Что случилось, баб Кать?

— А-а, как всегда. Петровна звонила, плачет, у Васьки ее опять сердце прихватило. А ведь моложе меня! Не берегут себя нынче, все быстрее, давай-давай...

Мы выскочили на улицу и не сбавляя темпа понеслись в пятый подъезд к Наташкиной однокласснице.

— Амур, сиди тут. За кошками не гоняйся, крыс не ешь — только сейчас кашу трескал. Все, я быстро.

Да, быстро. Знаю, знаю.

Я присел и огляделся. Уже стемнело, с запада опять шла гроза. Там всюду гремело и полыхало, скоро и нас накроет, а Наташка без зонтика.

В помойке у гаражей кто-то зашуршал. Я принюхался. Каша кашей, но без мяса...

Знакомый зуд возник за ушами, и удары колокола опять догоняли друг друга.

Он появился прямо из ничего в тени старого ясеня, там, где полутьма переходила в ночь. В этот раз он походил на человека, хотя судить было трудно — нелепая одежда скрывала его. На нем бесформенной грудой висела какая-то темная хламида с капюшоном, ниспадающая до земли. Он не стал ничего говорить, просто приподнял руки, повернул их ладонями вперед и шагнул ко мне. Загустевший вдруг воздух упруго толкнул меня в морду, и я понял, что медлить нельзя. Сорвался с места, будто меня под хвост куснула сороконожка, толкнулся всеми лапами и прыгнул на него, выпуская когти... И словно ударился о раскаленную стену. Меня отбросило назад, перекувырнувшись через голову, я распластался на асфальте. Лапы и морда горели. Разлепив опаленные веки, сквозь радужные круги перед глазами я увидел, что мои когти оплавившись на концах в стальные шарики. Вот паразит, как же я теперь буду их втягивать?

Он сделал еще шаг, снова приподнимая руки. Я подобрался и, проскрежетав бесполезными железками на лапах, опять прыгнул на него...

На этот раз я даже не почувствовал удара, а очнулся уже, лежа в собственной явоте. Это было так унижительно, что я чуть не завыл от стыда. Он шагнул и встал прямо надо мной. Я не смог разглядеть лицо под капюшоном, но, если оно было, уверен, он улыбался. Не торжествующе, нет, — снисходительно. Так улыбаются нахальному мальчишке, показывая свое превосходство.

Я подтянул передние лапы и, кое-как выпрямив их, приподнялся. Оперся на толстый удобный хвост и посмотрел

ему прямо в черный провал капюшона. Ты рано улыбаешься и напрасно подошел так близко. Я, конечно, хочу еще пожить, но для чего-то определенного, а не разжиревшей шавкой на поводке. А ваше время кончается... считай, что кончилось! Я открыл пасть, будто и впрямь собрался завывать. По пищеводу поднималось что-то раскаленное, колючее, словно я проглотил солнце, и теперь оно нашло выход. Солнце заполнило всю глотку, и дышать стало нечем.

В последнее мгновение он, видимо, что-то понял и отшатнулся. Но поздно. Раздирая мне пасть и плавая зубы, солнце рвалось на свободу...

— Годовщина Курской дуги сегодня все-таки. Он ведь совсем мальчишкой там в танке горел, — Петровна смахнула слезу. — Вот, друзей вспоминал, да и прихватило.

— Ладно, — Екатерина Ивановна убрала шприц и поднялась с табуретки. — Пусть лежит, не встает. А утром в поликлинику позвони...

На улице она пошарила по карманам в поисках папирос. Забыла... Придется домой подниматься, пять пролетов вверх! Потом уж вниз ни за какие коврижки! А так хотелось немножко посидеть у подъезда перед сном.

«Дождусь Наташку и попрошу ко мне сбегать», — решила Екатерина Ивановна.

Набегавшие тучи съедали звезды, зашумел ветер. Опять надвигалась гроза. Громыхнуло так близко, что Екатерина Ивановна вздрогнула и решила дождаться Наташку под козырьком подъезда. Шаркая валенками, она поднялась по ступенькам, но тут какое-то движение в углу двора привлекло ее внимание. Близоруко сощурившись, Екатерина Ивановна пригляделась: у дальнего подъезда сидел Амур, а перед ним, на границе света и тьмы, стоял кто-то в темном плаще — даже не в плаще, а в каком-то балахоне. Амур поднял морду, словно собирался завывать. Тот, в плаще, отпрянул, нелепо взмахнув широкими рукавами. Ослепительный шар раздулся и лопнул между ними брызгами нестерпимого света, заставив Екатерину Ивановну на секунду зажмуриться. И тут же гулкий раскат грома ударил по барабанным перепонкам. Тугой теплый ветер бросил ей в лицо пыль и опавшие листья. Потянуло грозовой свежестью.

Что же это делается, а?

— Амур! Амурчик!

Еще издали Екатерина Ивановна поняла, что у подъезда уже никого нет. На потрескавшемся асфальте выделялся темный, будто закопченный, круг. Что-то блеснуло под ногой. Она наклонилась и подняла с земли обрывок ошейника с бляшкой.

Наташка ракетой вылетела из подъезда и, оглядевшись, подбежала к Екатерине Ивановне.

— А где Амур, баб Кать?

— Ой, не знаю, Наташ, — запинаясь, пробормотала та. — Как молния-то полыхнула, да еще гром вдарил, он гавкнул и кинулся куда-то. Видать, испугался.

— Да что вы, баб Кать, он же никогда грозы не боялся.

— Так грохнуло-то как! У меня самой сердце зашлось.

— Ой, ну что же делать? Потеряется ведь! — Наташка закусила губу, с надеждой оглядывая двор. — Амур! Амур!

— Ты беги матери скажи, вместе и поищем.

Первые крупные капли застучали по листьям. Наташка кинулась домой. Екатерина Ивановна поднесла к глазам обрывок ошейника и, протерев бляшку, долго на нее смотрела.

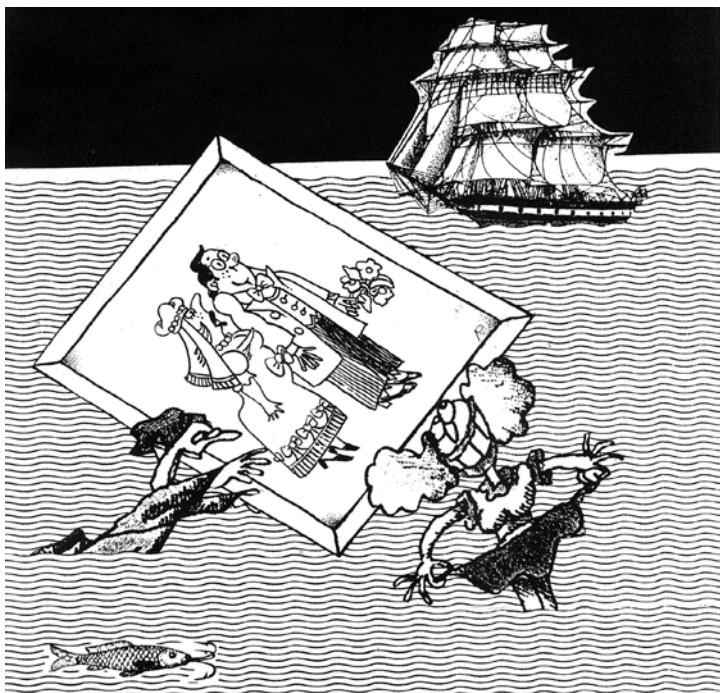
«АМУР»...

— Поискать мы, конечно, поищем, — прошептала она, — все тебе легче будет, дочка.

Полосатый зверь умирал. Он лежал на боку и старался не смотреть на тушу огромной птицы, что поедали сейчас его сородичи. Он помнил, как первый бросился на фороракоса, как получил когтем в брюхо. Зверь знал, что будет дальше, но ни о чем не жалел, он был спокоен.

Послышалось негромкое рычание и повизгивание. Зверь повернул морду. Несколько таких же, как он, остромордых и полосатых, опоздав к пиршеству, подбирались теперь к нему, поблескивая в ключьях утреннего тумана маленькими черными глазками. Ну, вот и все. Зверь приподнялся на передних лапах, оскалил зубы и пополз навстречу.

И все же он был доволен. Он знал, что за миллионы лет отсюда все обошлось. ☐

Как Катю замуж позвали

Елена Логунова

Если ваш папа — действующий тренер сборной по боксу, а мама — бывшая чемпионка по спортивным танцам, будьте всегда готовы к шоу.

Новый купальник, состоящий преимущественно из тонких веревочек, мне перед отъездом купила заботливая мамочка — ей что, она привыкла щеголять перед публикой в одних лишь блестках и перьях! А строгий папочка, едва я робко выступила из кабинки для переодевания, сделал брови

козырьком, челюсть ящиком и после минутного сопения громко и грозно сказал:

— Так, орлы, напоминаю всем, кто подвержен приступам раннего склероза, что это моя дочка, и кто к ней полезет, тот покойник!

Он скупыми, но выразительными жестами изобразил бой с тенью, и парни, конечно, заверили сурового тренера, что они никогда, ни за что, ни с кем — и уж точно не со мной. Это было так обидно и унижительно, что я позавидовала страусам, ныряющим головой в песок, и побежала прятаться в море.

Неожиданно дно ушло из-под ног, я погрузилась в воду с головой, забила руками, вынырнула и непроизвольно заорала:

— Спасите, тону!

Добрый человек, приплывший ко мне на помощь, вынужден был бороться и с волнами, и с моей паникой. Выступая со мной на руках на мелководье, он приговаривал:

— Спокойно, Катя, спокойно, уже все хорошо. Ой, мама!..

Я открыла глаза и сразу увидела не маму, а папу, который стоял в боевой стойке, тяжело дыша и наливаясь краской. Проследив за его взглядом, я тоже испуганно ойкнула, вывалилась из рук своего спасителя и скорчилась в мелкой воде, пытаясь спрятать свое оголившееся тело.

— Петр Иванович, не надо, я не виноват! — взмолился парень. — Я не то, я это, как его... прошу руки вашей дочери!!! Катька, будь человеком. Я тебя спас, теперь ты меня спасай...

— Извини, руку дать не могу, — пробормотала я, — но замуж выйти согласна сию же минуту — хоть за тебя, хоть за самого черта, да за кого угодно, лишь бы убраться, наконец, из отчего дома!!! ☹

Екатерина Борщева,

41 год, Чапаевск

* * *

На свете очень сложно жить:
 Любить, страдать, терпеть, грустить,
 Встречать любовь и провожать.
 И снова этой встречи ждать.

Чего бы проще — не роптать?!
 И не любить, и не страдать?
 Но если, люди, не любить,
 Зачем тогда на свете жить?..

Валентина Тюгашова,

директор библиотеки, 51 год, Самарская обл.

* * *

Что может быть совершеннее свечи:
 Так стройна, так устремлена ввысь,
 Пламя спокойное, ровное —
 Тюльпан, подсвеченный изнутри.
 Но стоит приоткрыть дверь
 Или шевельнуть фалдами одежды,
 Пламя забьется, затрепещет,
 Как крыло раненой птицы,
 И погаснет.
 Вот так и человеческая жизнь...

Людмила Кушпель

Презентация убийства

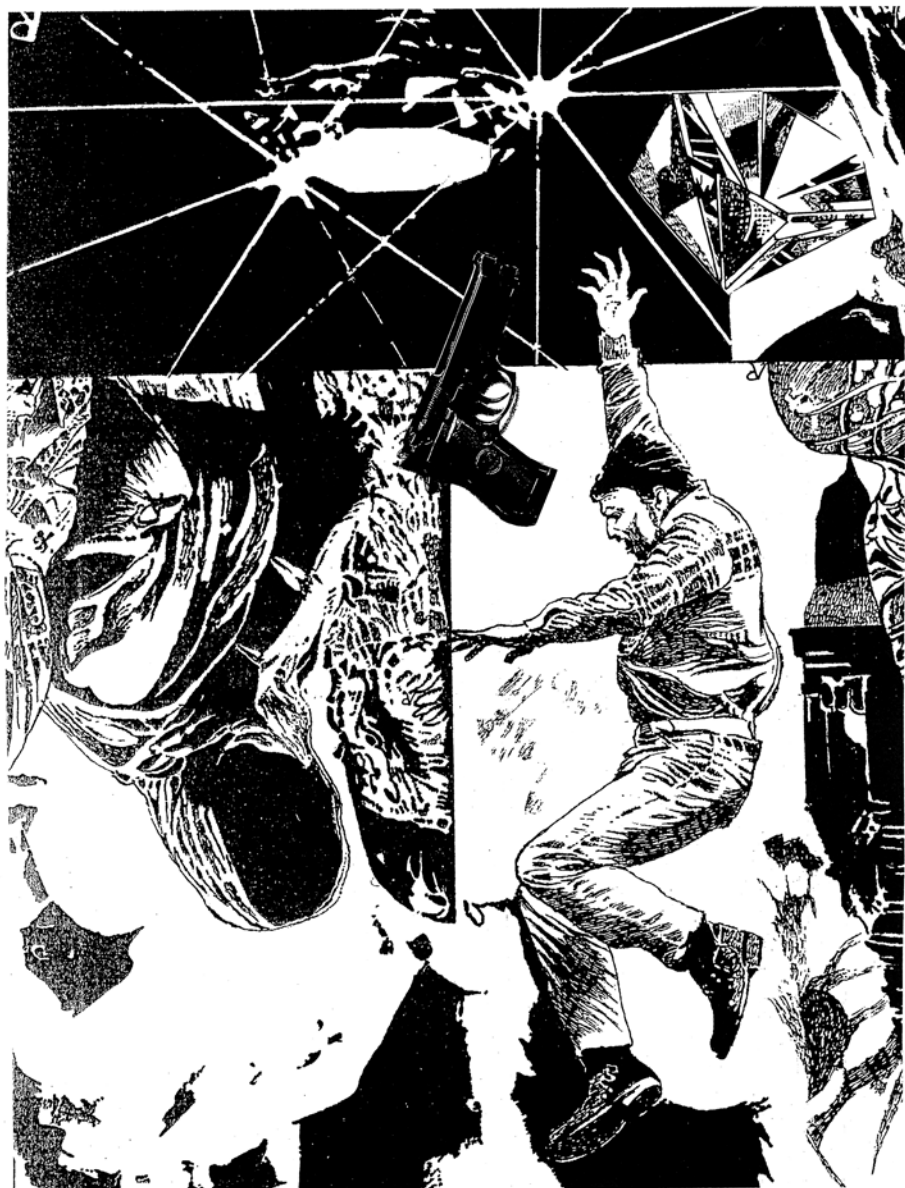
Журнальный вариант

... **Б**ар «Наполионе» был закрыт. Мобильники Сержа и Гунчи не отвечали. А чего он ожидал? Что у них в запасе еще две жизни, как в компьютерной игре?

Феликс приступил к осуществлению своего намеченного плана. Прежде всего он отправился в Юрмалу. Там, в Булдури, в трехкомнатной квартире престижного дома проживала последняя из бывших жен Бебриса Мариэтта, директор модельного агентства, сама в недавнем прошлом модель. Как и Бебрис, Мариэтта увлекалась бриджем, только намного превосходила его в умении.

Детектив припарковался в скверике возле ее дома и, услышав вдруг свое имя, взглянул наверх. С балкона третьего этажа ему махала ручкой-прутиком невероятно худая блондинка в черном костюме. Он помахал ей в ответ, набрал код подъезда

Продолжение. Начало в № 11.

и быстро поднялся по лестнице, застав бывшую жену Бебриса в открытых дверях ее квартиры.

— Здравствуйте, Феликс, рада вас видеть, — низким хриплым голосом проговорила Мариэтта и протянула ему руку с длинными пальцами-веточками.

— Примите мои соболезнования... — начал Феликс, но Мариэтта, поморщившись, перебила его:

— Ради бога, хоть вы не заставляйте меня лицемерить! Самоубийство Жоржика — это единственный его поступок, который я от души одобряю. Если бы могла, давно сама бы его удавила. Вместе с этой маленькой сучкой Илонкой — его дочкой. Это она ваша клиентка?

Сыщик слегка опешил от такого цинизма.

— Моими клиентами были Сергей Манюхин и Гунтис Озол. Вы их знаете?

— Бармен и охранник из «Наполионе»? Чего они от вас добивались?

— Они не поверили в самоубийство и попросили меня разыскать убийцу.

— Какая трогательная преданность! — саркастически произнесла Мариэтта, усаживаясь на диван и жестом приглашая Феликса сесть в кресло напротив. — Мне уже не терпится услышать вашу криминальную историю. Обожаю детективы!

Феликс решил, что в данной игре откровенность — лучший козырь, и выложил бывшей жене Бебриса все, что знал про убийство Сержа и Гунтиса, а также свои подозрения насчет Виктора Крохина.

— Его прикончили! Ну, конечно, прикончили! Допрыгался, блин... — Мариэтта вскочила с дивана и забегала по комнате. — А как же предсмертная записка? Я ее видела, она написана его почерком.

— Виктор Крохин признался в полиции, что помогал коротать Бебрису долгую бессонную ночь...

— А почему этот Крохин, если он киллер, не скрылся с места преступления? Стал дожидаться полиции? Разве так бывает? Кстати, я знаю, кто заказал Жоржика! Это Илонка!

— Дочь? Отца? Из Англии? — ошарашенно переспросил Феликс.

— Хоть из Африки. Вы ее видели, эту юную стервочку? Она и не на такое способна... У них с Жоржиком отношения были хуже некуда. Свяжитесь с ней, я могу дать ее координаты, она в Кембридже учится. Когда мне сообщили про Жоржика, я сразу же позвонила ей, но она заявила, что на похороны приехать не сможет, так как у нее экзамены, и придет своего адвоката. Разве это не подозрительно?

— А содержание завещания Бебриса вам известно?

— Сомневаюсь, что оно вообще существует, это завещание.

Жоржик собирался жить вечно, даже не страховался никогда. Илонка — его единственная наследница. Вот вам и мотив.

Феликса было не так-то просто сбить с толку.

— Я отработаю и эту версию, только прежде всего надо отыскать киллера. Скажите, что вам известно про Виктора Крохина? Он давно появился в жизни Бебриса?

— Уже после нашего развода. Жоржик остался без пары в бридже и стал искать себе платного партнера-инструктора. Нашел Виктора Крохина по объявлению в Интернете. Наверное, вы правы, именно он и есть киллер... Он такой странный... молчаливый... глаза как будто мертвые...

— А кто еще проживал вместе с Бебрисом? — перебил ее Феликс.

— Кроме Андрея Малова — никто. Остальные — приходящие. Вернее, уходящие. Убрали, приготовили, стол накрыли — свободны. А деньги — когда-нибудь потом...

— Где Бебрис держал ценности, наличные, документы?

— В сейфе, разумеется.

— А сейф где находился?

— В спальне. В стене за картиной Роберта Лиладзе.

— Почему же полиция его не нашла? И Серж с Гунчей?

В чем секрет?

— Обещаете 50 процентов от содержимого?

— От нуля? Он наверняка пустой.

— Ладно, помните мою доброту... Секрет в том, что, даже сняв картину, без пульта дистанционного управления, который Жоржик всегда носил с собой, его не найдешь, — лукаво улыбнулась Мариэтта.

— Когда Бебрис ложился спать, куда он прятал пульт?

— Под подушку.

— Под подушками ничего не было, я точно это помню. И на ночном столике был всего один пульт, от видеоплеера. Впрочем, этой ночью Бебрис не ложился спать. Значит, Виктор Крохин забрал пульт из его кармана вместе с ключами... А какой у него был брелок на связке, не помните?

— Жоржик всегда носил ключи в замшевом черном футляре.

— Скажите, а когда вы в последний раз видели телохранителя Андрея Малова?

— Не помню точно... А, вспомнила! Пару дней назад. Мы столкнулись с Жоржилом в банке «РЭКС». Андрей его ждал в машине.

— Скорее всего, он тоже убит.

— Правда? Как жаль... Такой красивый парень...

— А вы случайно не знакомы с архитектором Артуром Кошечкиным?

— Немного знакома, хотя адреса его не знаю. Знаю только, что здесь, в Юрмале, он строит себе дом. Хотите выяснить у него про тайные помещения? Разумно.

Феликс поднялся с кресла:

— Благодарю вас, Мариэтта, вы мне очень помогли. Больше не смею вас беспокоить. До свиданья, — и быстро направился в коридор. Но у порога остановился. — До встречи в бридж-клубе. Если что-нибудь вспомните или узнаете — у вас есть мои координаты.

Глава четвертая,

*в которой расследование
набирает темп, но загадок
не становится меньше*

Архитектор Артур Кошечкин проживал в незаконченной новостройке из красного кирпича. Там всю кипели строительные работы. Скрипели лебедки, сновали люди в замызганных спецовках, команды прораба перемежались забористой бранью.

— Господа! Как мне найти хозяина дома? — громко обратился Феликс ко всем сразу.

Невзрачный мужичок, которого он принял за прораба, прервал разборки и неприветливо оглядел Феликса.

— Ну, я хозяин! Какие проблемы?

— Проблемы у вас, господин Кошечкин, — лаконично отозвался сыщик.

— Понятно, — безнадежно вздохнул архитектор. — Вы из налоговой... — и, не дожидаясь ответа, стал настойчиво увлекать детектива внутрь здания. — Пойдемте, посмотрите сами, как это бывает, когда строители человека буквально разоряют до нитки...

— Я не налоговый инспектор, — прервал его Феликс. — Я Феликс Муравьев. Сын и законный представитель Сильвии Муравьевой-фон Прупис. Вы поняли? Той самой Сильвии Муравьевой-фон Прупис, у которой вы украли архитектурный проект, а после получили за него премию...

— Ну... и что вы... хотите? — побледнев, спросил архитектор. — Денег? Сколько?

— Нет, деньги мне не нужны. Нужен компакт-диск с планом особняка Бебриса, включая подвалы, тайные ходы и скрытые помещения.

— Может, лучше все-таки деньги? — почти беззвучно предложил побледневший Кошечкин.

— Я не собираюсь грабить дом. Я частный детектив, — сжалился над ним Феликс. — Расследую убийство хозяина особняка.

Архитектор сглотнул слюну и тупо спросил:

— Убийство? Кого? Бебриса?!

— А вы не в курсе, что Бебрис погиб?

— Что за черт! Вы надо мной издеваетесь? Это розыгрыш? Я только на днях его видел...

— Жорж Бебрис умер сегодня утром. Его убийство ловко замаскировано под самоубийство. Я должен срочно найти улики и предъявить их полиции. Предлагаю вам сделку: вы мне даете компакт-диск, а мы с Сильвией забываем про вашу маленькую шалость. Также гарантирую, что ваше имя не будет всплывать в связи с этим расследованием.

— А... какие гарантии? — осторожно поинтересовался архитектор.

— Мое слово. Честное слово графа Муравьева.

— Верю. Этого достаточно. Пойдемте в мои жилые апартаменты, господин граф. Тут вот, на стройке, и приходится жить. Где же этот диск? — недоумевал архитектор, просматривая архив в своем кабинете. — Ячейка пустая... Ну ничего, я сейчас восстановлю по памяти... Это будет быстрее, чем проверять весь архив, — он сел к компьютеру, быстро запустил программу и принялся колдовать линиями и цветами, приговаривая: — Сейчас... Сию минуту восстановлю... В гараже имеется люк, который ведет в подземный ход. Оттуда можно попасть сначала в дом, а потом — в подвальные помещения.

— А зеркало в стене на веранде — что его приводит в движение?

— Скрытый механизм в плитке на полу. Вы все увидите сами...

— А сейф?

— На чертежах вы увидите замаскированный в кладке подвижный блок.

Феликс закурил. Ему стало ясно, кто здесь побывал и куда пропал диск. Оставалось уточнить детали.

— Скажите, Артур, вам знаком некий Виктор Крохин?

— Нет, не знаю такого...

— Припомните, кто из чужих людей навещал вас здесь за последнюю, скажем, неделю: сантехник, электрик, пожарный инспектор...

— Нет-нет, таких не было... Только вот... Приходил пару дней назад представитель Майкрософта. Грозился штрафом за использование пиратской программы, а у меня все программы лицензированные. Он проверил все и ушел. А больше ничего такого припомнить не могу.

— Вы оставляли его одного в комнате?

— Ну да... А что, это был киллер?

— Скорее всего. Вы, Артур, такой же, как все интеллигентные люди: доброжелательный и доверчивый. Надеюсь, у вас не будет повода об этом пожалеть...

На обратном пути Феликсу пришло долгожданное сообщение от Мариса, и он тут же с ним связался.

— Виктор Крохин не женат, живет вдвоем с матерью, Сандрой. Квартиросъемщицом значится она. Полагаешь, он может скрываться дома?

— Похоже, этот парень — мастер нетрадиционных ходов, — усмехнулся Феликс. — Кстати, в бридже это приносит ему успех. Чем черт не шутит...

Виктор Крохин проживал в многоквартирном доме по улице Тэрбатас. Фасад дома уродливо обветшал, в давно не отремонтированном подъезде было грязно и воняло, а на лестничной площадке четвертого этажа была выкручена лампочка.

Феликс позвонил в дверь. Ему открыла невысокая стройная женщина в цветастой юбке и темной старенькой маечке. Скульптурное совершенство лица подчеркивала простая гладкая прическа.

— Здравствуйте. Виктор Крохин дома?

— Он уже улетел.

— Какая досада! — искренне огорчился детектив. — Мы договорились с ним встретиться, но я не смог прийти вовремя, а его мобильник не отвечал. Я Феликс, он, случайно, про меня не рассказывал?

— Мой сын давно мне ничего ни про кого не рассказывает.

— Он скоро вернется?

— Не думаю. А какое у вас дело? Может, я могу помочь?

Проходите.

Феликс прошел в комнату.

— Не стану вас задерживать, просто на лестнице как-то неудобно говорить о деньгах... Я задолжал Виктору плату за два урока — он меня тренирует по бриджу. Можно, я вам передам?

— Давайте... — безразлично согласилась женщина.

Феликс выложил на стол приготовленный для этого случая конверт. Мать Виктора заглянула в него и удивленно проговорила:

— О, так много? Карточные уроки так хорошо оплачиваются? Зачем же он в Америку подался, если и здесь мог зарабатывать?

— А он разве улетел в Америку?

— Не улетел, так улетит. Он же там официально проживает, по гринкарте.

— Знаете, что? Дайте, пожалуйста, его нью-йоркский адрес. Мы же с ним можем продолжать занятия по Интернету!

— Витя мне никогда не оставлял адреса. Знаю только, что он курсы массажа заканчивал, перед тем как в первый раз туда отправиться. Наверное, где-то в косметическом салоне массажистом работает...

— Простите за навязчивость, но не могли бы вы посмотреть у него в комнате, не оставил ли Виктор для меня журнал с записями от руки «Правила игры в бридж»?

— Посмотрите сами, — предложила женщина и открыла дверь угловой комнаты.

В комнате было пусто. Только мебель с распахнутыми дверцами, и на полках в шкафу — что-то из белья и одежды, книги...

Феликс принялся выдвигать ящики комода и в первом же обнаружил черный замшевый футляр с ключами. Он незаметно сунул его в карман, не веря своей удаче.

— Вот такую он мне оставил комнату... — говорила тем временем мать Крохина. — Думаю, он больше не вернется... Видите на стене темный след? Там всегда висел портрет Рады. А сегодня он забрал его с собой... Рада была его невестой. Она жила в Питере.

Уже был назначен день свадьбы и даже заказан грандиозный банкет в «Метрополе». Виктор поехал в Питер, не застал Раду дома и отправился на Лиговку. В гостинице «Октябрьская» Рада снимала помещение для своего офиса и часто там задерживалась, иногда оставалась на ночь.

На стук в дверь никто не отозвался, и дежурная, хорошо знавшая Виктора, дала ему запасной ключ. Он вошел в номер и увидел истерзанное до неузнаваемости и уже окоченевшее тело Рады... Виктор вышел оттуда совершенно седым. В двадцать пять лет...

— И... что, убийц не нашли? — осторожно поинтересовался Феликс.

— Милиция не особенно утруждалась. Да и что толку? Раду не вернешь, а сына моего после всего этого как подменили... Он вообще перестал разговаривать. Одно время жутко пил. Я все надеялась, что время излечит... А он вроде живой, но словно мертвый. Даже пытался покончить с собой. Слава богу, не смог...

Сандра никак не хотела отпускать Феликса, то брала с него клятву навещать ее, то вдруг попросила, чтобы он достал ей щенка или хотя бы персидского котенка. Наконец Феликсу удалось попрощаться и покинуть убитую горем женщину..

Из машины детектив сразу же позвонил Марису Кисису.

— Дружище, срочно нужна информация из аэропорта. Пробей Крохина по всем спискам сегодняшних рейсов на Нью-Йорк, и вообще — на Штаты. У него официальный статус проживания, гринкарта.

— Уже звоню. Что тебе удалось выяснить?

— Вкратце — у парня в прошлом колоссальная психическая травма. Последствие — съехавшая крыша...

— Надо же! — расстроился Марис. — Серийный убийца? Сексуальный маньяк?

— Подожду с выводами, пока не найду тела. Представь себе, он захватил с собой ключи от жилища Бебриса и, уезжая, оставил их у себя дома.

— Надеюсь, ты не погнушался...

— Не погнушался.

— Так ты сейчас прямо в особняк Бебриса?

— Нет, хочу дождаться темноты.

— Тогда встретимся прямо у ворот, как стемнеет.

— Марис, а у тебя, случайно, нет друзей в юрмальском отделении?

— Случайно есть! Одна девушка-сержант по имени Авита. Мы с ней в академии полиции вместе учились.

— Такая курносенькая, с веснушками?

— Я потрясен... У вас на всех в этой стране досье имеется, господин Холмс?

— Откуда такое имя странное — Авита? По латыни — «безжизненная». Ей не походит.

— Мамочка удружила. А вообще ее все Виткой зовут.

— Ладно, я сейчас домой, а ты, пожалуйста, как узнаешь про рейс, сразу сообщение пришли.

— Как только, так сразу.

Дома Феликс застал Нору перед зеркалом в нарядном золотистом костюме.

— Если не собираешься со мной на вечеринку к Варваре, я иду одна, — капризно заявила она. — Вызови мне такси.

— Ну конечно, собираюсь! Дашь мне полчаса?
— Ты не видишь, что на мне новый костюм? Что надо сказать?

— Спасибо... — отшутился Феликс.

Нора, смеясь, прыгнула ему на шею.

— Какой ты смешной, Фефик! И какой любимый!

Прежде чем отправиться в гости к Варваре Лагиной, Феликс успел сделать распечатку из добытого им у архитектора файла и получить новости от Мариса. В списках рейсов на Нью-Йорк, а также на Бостон и Чикаго Виктор Крохин не значился. Однако дотошный следователь обнаружил это имя среди проехавших границу через российский пограничный пункт Терехово и добыл также номер крохинского «фольксвагена».

— Спасибо, Марис. Этой информации можно доверять на сто процентов?

— На двести. Конкретно следы замечает!

— Не думаю... Что ему мешает потом из Москвы через океан двинуть?

— Понял! Пошлю запрос в Шереметьево.

— Сделай, дружище! И на всякий случай в Пулково.

— Наши планы не меняются?

— В полночь у амбара...

— Тогда у меня хорошая новость: Витка как раз сегодня ночью дежурит!

Глава пятая,

в которой

беспрерывной чередой

происходит раздача сюрпризов

Варвара уже рассадилась всю компанию в гостиной за накрытым столом, и только тогда раздался звонок в дверь. Она бросилась открывать:

— Бабушка Ляля!

Леди-Которая-Пишет-Закат, в голубом норковом палантине, на голове — маленькая модная шляпка, всплыла, как королева, с эскортом. Валера Лагин, этакий голливудский

блондин, тащил два громадных пакета, а у Роберта Лиладзе, жгучего брюнета-атлета, на руках покоился бронзовый носорог.

— Валерий, помоги Роберту устроить скульптуру у Вавочки в кабинете! Все остальные должны вернуться за стол. Состоится раздача подарков, — тут же начала распорядиться Лолита Александровна.

Когда за столом появился главный виновник торжества Роберт Лиладзе, в гостиной сразу стало шумно, жарко и весело.

Вскоре закуски и рыба в томате подошли к концу, и Роберт предложил организовать танцы. Он уверенно кружил в вальсе Варварину маму Еву, все еще стройную и красивую, а ее муж Валерий прятал ревнивый взгляд, безжалостно вращая в замысловатых пируэтах миниатюрную Елизавету, Лагин, приосанясь, кругами бережно передвигал Лолиту Александровну.

— Кажется, вечер удался, — шепнула Варвара своей подруге Зосе Волковой. — Жаль только, Нора с Феликсом не смогли прийти...

Неожиданно звуки музыки перекрыл громкий звонок в дверь. Варвара кинулась в коридор. На пороге стояли Феликс и Нора, с букетом роз и шампанским, как всегда, блистательные и веселые.

— Как я рада! — воскликнула Варвара, целуясь с обоими. — Мое любимое — «Крымское» красное! Сегодня обязательно выпью — сама, никому не дам, — шутливо грозилась она, принимая из рук Феликса бутылку с золотым горлышком.

Гости снова уселись за стол, и Елизавета оказалась как раз напротив Муравьевых. Варвара немного удивилась, что Феликс не отрывает от нее взгляда, и представила их друг другу:

— Феликс Муравьев, частный детектив, ученый-криминалог и мой хороший друг. Елизавета Сидорова, корреспондент криминального отдела газеты «Рижские новости» и моя новая приятельница. Феликс, расскажешь нам, над какими загадками ты бьешься на этот раз?

— Я бы охотно поделился с вами, Елизавета... Мне кажется, ваше недавнее журналистское расследование и мое — они касаются одной и той же личности... — он неожиданно поднялся. — Пойду на кухню покурю. Хотите, пойдете со мной, там и побеседуем.

Выбираясь из-за стола, детектив покосился на свою жену, прислушиваясь к ее порхающему голосу, и тихо попросил Варвару:

— Задержи пока Нору здесь, в комнате. Мне очень нужно поговорить с Елизаветой наедине.

Феликс не увлекался мистикой, но знал по опыту: расследование убийств контролируется свыше. И вот оно началось...

— У вас есть какая-то история для печати, это правда? — с нетерпением осведомилась Елизавета, прикрывая за собой двери кухни.

Феликс смотрел на нее с какой-то странной улыбкой.

— Садитесь, Елизавета, — предложил он, неторопливо извлекая из портсигара сигарету. — Вы уже хорошо себя чувствуете?

— Я... вы... мы разве прежде встречались?

— Вы замечательно выглядите. Я рад, что у вас все в порядке. Давайте выпьем кофе. Вам с сахаром?

— Нет, и без сливок... Вы... на что-то намекаете? — осторожно спросила журналистка.

— Я вижу, вы меня не узнаете. А ведь мы знакомы. Со вчерашнего вечера. Правда, несколько односторонне... Бар «Наполионе» вам ни о чем не говорит? А больница «Гайльззерс»?

— Так это вы были! — с облегчением воскликнула Елизавета. — А я уже черт-те что начала думать... Так это вы меня подобрали на улице? Я очень сильно буянила?

— Вы были кроткая, как овечка. И почти неживая.

— Как же мне повезло-то... — вздохнула журналистка. — Я же абсолютно ничего не помню...

— Расскажите, что с вами произошло в баре? И как далеко продвинулось ваше журналистское расследование?

— А я собиралась вас послушать...

— Дойдет и до меня очередь. Как вы познакомились с Варварой? Пришли брать у нее интервью по поводу происшествия в трейлере?

— Ну да. Так и было.

— Так что там произошло?

Елизавета рассказала о приключениях Варвары Лагиной все, что сыщику уже было известно.

— А бар «Наполионе»? Какая тут связь?

— Вроде бы никакой. На первый взгляд. Про самоубийство Жоржа Бебриса вы в курсе?

— В общих чертах.

— Так вот. Моим первым редакционным заданием был он. Жорж Бебрис и торговля «живым товаром». Жорж Бебрис и наркотики. Я готовила для газеты настоящую бомбу. Дело в том, что я набрела на самое настоящее «гнездо разврата и порока». Я имею в виду питейно-игорное заведение под странным названием «Наполионе». Все в Риге знают, что туда за девочками и за «колесами» ходят. А я точно установила: оно принадлежит... принадлежало... Жоржу Бебрису!

— Как вы это установили?

— Сама проследила. Ездил за ним целый месяц. Каждое утро Бебрис навещался туда, в этот бар, а после заезжал в отделение банка «РЭКС», сразу после открытия, и клал деньги на счет. Я проверила по информационной системе Регистра предприятий. Жорж Бебрис значится учредителем фирмы, за которой числится этот бар!

— И поэтому вы в баре разыгрывали роль юной протитутки? И вас никто не страховал? Что за редакция у вас такая, хотел бы я понять!

— Бога ради, никому ни слова. Редактор мою идею не поддержал, и я поперлась на свой страх и риск. Явилась в бар в золотых шортиках и топе, поверх — плащ. Почти некрашенная... Когда я не крашена, мне вообще тринадцать лет дают.

Ну вот. Спустилась я в подвальчик, сняла плащ, села у стойки, взяла рюмку водки, закурила... Подсели ко мне два урода и стали вербовать. Один вообще только матом разговаривал... Короче, завербовали. А у меня в сумочке — диктофон, все записывается. Спрашивают: готова прямо сейчас начинать работать? — и тут же выдали мне две пачки презервативов. Ну, думаю, настало время чесать отсюда. Мне, говорю, в туалет надо. Они заявляют, что для меня уже есть клиент, и он меня будет ждать прямо здесь. Я нагло требую аванс. Один из уродов смеется:

— Аванса тебе не будет, будет тебе счастье! — и протягивает мне две капсулы...

— ...Наркотика под названием «счастье»? — перебил девушку Феликс. — Вы наркоманка?

— Да что вы, конечно, нет. Короче, струхнула я, признаюсь, и для храбрости проглотила капсулу. Я же не подумала, что перед этим водку пила и какая реакция будет... Вот... Хватаю сумку, а она открывается, и диктофон выпадает! Я бросаюсь к выходу, но вдруг меня так начинает плющить, что я чуть не падаю. Что там поднялось! Скандал, драка, а меня на улицу выпихивают, без сумки и без плаща... И без диктофона, разумеется. Стою на улице, загибаюсь... Смутно помню, как меня сажают в машину... А прихожу в себя уже в больничной палате. Вижу, на мне сорочка чужая, халат висит на вешалке... Ни фига не помню... Нашла свой золотой костюмчик в тумбочке, а бо-соножки — под кроватью, оделась и рванула когти. Добралась до дома на такси... Быстренько накидала статью про бар «Наполионе» и помчалась в редакцию. А редактор говорит, забудь, Бебриса больше нет. Остальное вы знаете. А теперь вы рассказывайте!

— Не могу, у меня еще прорва работы. Пойдемте по-прощаемся с Варварой, а позже я за вами заеду. Ждите.

...Гости разошлись за полночь, бабушка Ляля тоже стала собираться, но Варвара увлекла ее на кухню, плотно закрыла двери и проговорила заговорщицким тоном:

— Садись в кресло. Мне необходимо с тобой посоветоваться.

— Давай советуйся. К чему такая таинственность?

— Сейчас я тебе кое-что покажу, упадешь — не встанешь.

Варвара достала из кладовки чемодан Богдана Боровича, принесенный сегодня из банковского хранилища, вытащила его на середину кухни и открыла, демонстрируя его содержимое: несколько стопок золотых монет и бархатный черный мешочек.

— Видывала я золота и побольше, — спокойно отреагировала Лолита.

Варвара развязала торбочку, и из нее посыпались, играя разноцветными лучиками, драгоценные камни: алмазы, изумруды, рубины, топазы, сапфиры, жемчуг...

— И драгоценностей я побольше видала. Что все это вообще означает? — бабушка Ляля была единственным человеком, посвященным в историю Варвариных отношений с Богданом.

— Это тот самый чемодан, который оставил у меня Богдан Борович три года назад, перед тем как сбежать в Россию. Последние полгода он хранился в банке. А сегодня утром Богдан прислал мне сообщение по электронной почте. С просьбой, сильно похожей на приказ, вывезти содержимое чемодана в Москву как можно скорее. Я разозлилась: ради чего должна рисковать, да к тому же бесплатно? Взяла и ответила ему отказом. А он предложил мне за эту авантюру вернуть наш дом и пообещал, что в сейфе московского филиала банка будет лежать купчая. Я не устояла...

Лолита Александровна искренне обрадовалась.

— Ты же мечтала об этом столько лет! Знаешь, что? Когда Богдан придет контракт, покажешь мне. Я посоветуюсь со своим адвокатом. А почему так мало эмоций?

— Поначалу их было слишком много, а потом я задумалась: как же Богдановы сокровища через таможду провезти? Так ничего и не придумала. Видно, напрасно в это черное дело ввязалась...

— Пстой-ка... Кажется, у меня есть идея! А если инсталляцию сделать? Закат из драгоценных камней? Как будто из стразов. Решено! Завтра же с утра принимаюсь за дело. Вывешу новую работу на выставке и создам ажиотаж для прессы и телевидения.

— Замечательно! И специалист по наведению ажиотажа у нас тоже имеется — это Елизавета.

— Значит, в Москву я полечу с тобой, — заявила Лолита. — Давай свои сокровища.

— Подожди... С камешками — просто гениальная находка. А как быть с монетами? Куда их ни спрячь, рамка зазвенит... — Варвара вдруг хлопнула себя ладонью по лбу. — Конечно, рамка... Именно — рамка! Я тоже — гений! Вся в бабушку! Я знаю, как провезти монеты!

— Ну и как? — заинтригованно переспросила Лолита.

— Ты сможешь заказать Роберту раму для твоего заката из «стразов»? Бронзовую раму?

— Поняла... Полуую... А внутри монеты спрятать...

— Ну! — торжествовала Варвара. — И пусть детектор трезвонит, сколько душе угодно, бронза ведь тоже металл!

Проводив Лолиту, Варвара поднялась на второй этаж и остановилась у дверей квартиры Аркадия. Ей срочно требовалось проверить кое-какие подозрения, для чего она и захватила с собой его ключи.

Здесь, в рижском жилище Карелова, каждая вещь кричала ей о нем. Еле сдерживая слезы, Варвара принялась искать микрофоны. Начала с телефонного аппарата. Перевернув его, тут же обнаружила маленький жучок. Урожай этих уродливых плодов технического прогресса оказался еще более обильным, чем в ее собственной квартире. Последний она открепила от задней стороны собственной фотографии, стоявшей у Аркадия в спальне на ночном столике...

На кого же работал Уралов? На Дина Торкача, что ли? Что за тайную информацию о Карелове мог собирать его лучший друг? Добраться бы ей до его деловой документации... Или все по-прежнему упирается в поиски Олега Барсукова? И кто тогда на Урала покушался?

Варвара сидела на диване, курила, размышляла и пыталась связаться по мобильнику с Аркадием. Оператор мобильной связи женским голосом злорадно советовал проверить номер и перезвонить, дескать такого номера не существует в природе. Хуже всего, что не отвечал и московский домашний телефон на старой квартире Аркадия...

Внезапно раздался звонок в дверь. Варвара бросилась к дверям и распахнула их, даже не потрудившись глянуть в глазок — так была уверена, что это Арик вернулся...

Но на пороге стоял и хлопал белесыми ресницами вчерашний агент самой Государственной безопасности. Как его? Варвара силилась припомнить: «Клецка? Пельмень? Вареник!»

Преодолев секундный шок, агент Латвийской полиции безопасности Константин Вареник произнес разоблачительным тоном:

— Здравствуйте, госпожа Лагина. Что вы здесь делаете — в чужой квартире?

— Граблю, — огрызнулась Варвара.

— В вечернем наряде... — усмехнулся Вареник.

- Грабеж для меня всегда праздник.
- Не пропустите внутрь?
- Только при наличии санкции прокурора.
- Почему вы, госпожа Лагина, все время мне дерзите?

Я вас настолько раздражаю?

— Вы все время умудряетесь попасться под горячую руку. Кстати, что это вы по ночам бродите?

— У меня, госпожа Лагина, ненормированный рабочий день. И я не брожу, а бегаю, словно савраска, чтобы раскрыть особо опасное преступление в вашем дворе. Может, оно уже было бы раскрыто, если бы вы содействовали, вместо того чтобы утаивать важную для следствия информацию. По этому поводу я собирался вас навестить, но заметил светящиеся окна квартиры Аркадия Карелова... Пойдемте побеседуем без протокола.

— Я бы предпочла беседу с протоколом. Вы уже все выяснили про меня? Лучше бы личность пострадавшего установили!

— А я установил... Это — Урал Васильевич Морозов. Ваш старый знакомый. Вам известно, где он сейчас? Напрасно вы не довели до моего сведения, что узнали его. И напрасно помогли ему бежать из больницы. Мы бы дали ему охрану, и он был бы в безопасности. А в настоящее время никто не может гарантировать ему безопасность.

— Я не помогала Уралу бежать. Когда добралась до его палаты, она уже была пуста...

— Значит, вы признаетесь, что использовали поддельное удостоверение работника полиции, ловко замаскировались и проникли в палату пострадавшего?

— Не ловите меня на слове. Не было никакого удостоверения. Я просто смастерила визитку...

— Визитку?!

— Ну да...

— Вы в курсе, где может сейчас находиться Урал Морозов? Он с вами не связывался?

— Он звонил мне. Просил передать, чтобы я его не искала и чтобы Аркадий опасался Дениса Торкача. Вот и все. Денис — крупный российский предприниматель и лучший друг Аркадия. Из-за него мы с Аркадием и поссорились. А сейчас... Я звоню

ему — на мобильник, домой — ни один номер не отвечает. Что с ним могло случиться? Умоляю вас, разыщите Аркадия Карелова! Я все готова рассказать, все подписать, господин Пельмень, только отыщите его живым!

— Вареник... — сжал зубы агент.

— Что?

— Моя фамилия — Вареник.

— Ну да, конечно, простите великодушно... У меня просто ум за разум заходит от тревоги...

...Марис Кисис подсел к Феликсу и сразу огорошил его:

— Слышал последние новости? Про пожар в баре «Наполионе»?

— Да ты что! И когда это случилось?

— Пожарные еще работают. Знаешь, кого я там встретил?

Нашего друга из Управы, Валеру Земянова. У них спецоперация сорвалась... Я передал ему, что ты жаждешь с ним связаться и чтобы он почту проверил. С тебя маленькая и шесть пива.

— Понял. Едем туда немедленно! Нечто в этом роде я и предполагал. Не взрыв, так пожар...

Пожарная машина и полицейские «форды», стоявшие возле троллейбусной остановки у входа в бар, все еще мешали уличному движению. Пришлось припарковаться поодаль и добираться до бара пешком, протискиваясь сквозь толпу зевак.

Пожарные в касках и форменной амуниции уже справились с огнем и сворачивали свой гигантский шланг и загружались в машину. Густой дым не спешил рассеиваться, черные хлопья гари кружили в воздухе. Полицейские призывали народ расходиться и оттесняли к машинам откуда ни возьмись взявшихся телевизионщиков с микрофонами и камерами.

Феликс отыскал взглядом невысокую плотную фигуру Земянова. Тот пытался сесть в «форд», но телевизионщики окружили его и чуть ли не в лицо тыкали микрофонами. Валера сердито нахохлился, подняв воротник серого плаща, и на все вопросы бросал: «Без комментариев».

Феликсу, наконец, удалось пробиться к нему. Увидев детектива, следователь произнес:

— Видишь, какой успех? Два года операцию готовили...

Его круглое, обычно румяное лицо с глазами-щелочками было бледным и хмурым.

— Сегодня везет плохим ребятам... Да и то — не всем. Двоих недавно ухлопали у меня на глазах. Кстати, парни тут, в «Наполионе», трудились, — пожал руку следователю Феликс.

— С этого места поподробней! Кого ухлопали?

— Манюхина и Озолса. Дело ведет Сенин из юрмальского, ты его знаешь. Точнее сказать, не ведет, а гробит... Валера, заведи у него дело, поймай киллера! Он уже улизнул в Россию, оттуда сбежит в Штаты. Ты прочитал мое заявление?

— Про Виктора Крохина?

— Дашь его в розыск? Манюхина и Озолса тоже он замочил. В особняке у Бебриса. И Бебрис не покончил самоубийством. Петру все это известно, только он отмахивается от меня, как от надоедливой мухи.

В этот момент у Феликса зазвонил мобильник, и звонкий голос Елизаветы сообщил:

— Я на улице, вы сможете подъехать за мной на угол Стабу и Бривибас?

— Я потом к тебе заверну, — обратился Феликс к Земянову. — Ты только задержи Крохина. А я дам тебе и улики, и доказательства. Выше крыши.

— Можно и ниже крыши, только дай.

— Поехал работать над этим. Пока.

Валера Земянов пожал ему руку.

— Ты это... будь осторожнее. Не лезь на амбразуру. Пожалей жену молодую. А я сегодня на вахте до самого утра. Как справишься — сразу давай ко мне, в Управу.

Феликс и Марис вернулись к оставленному на улице BMW. Недалеко от перекрестка Стабу и Бривибас Феликс увидел юную журналистку, переодетую в короткий светленький плащик и джинсы, с темной косынкой чуть не до бровей и с большущей торбой на плече. Она нервно топтала кромку тротуара напротив аптеки, напряженно высматривая машину детектива. Феликс притормозил, распахнул заднюю дверцу и окликнул девушку. Та перебежала улицу, прыгнула на заднее сиденье и молча там притаилась. Феликс так же молча тронулся дальше, а переехав мост, неожиданно выдал:

— Как там дела в баре? Жертв нет? Только не говорите, что вы там не были!

— Ладно, отвечаю. В редакции мне сообщили про пожар. Когда я подгрребла, огонь уже потушили, но пожарные еще не уехали, и полиции было полно. Я и ломанулась, козыряя журналистским удостоверением. В подсобных помещениях и коридорах делать уже было нечего и смотреть не на что — все выгорело дочиستا, но на питейный зал огонь не успел перекинуться. Там я кое-что нашла, — Елизавета извлекла из кармана плаща смятый листочек. — Накладная какая-то бракованная. Посмотрите? Я в бухгалтерской терминологии не очень. Плащ, кстати, висел, где я его повесила, а автомат, из которого водку мне наливали, пропал...

Феликс, не оборачиваясь, взял у нее листок, мельком глянул на него, вздрогнул и негромко произнес:

— Ничего себе припарочка!

— Что там, что-то интересное? — любопытно наблюдавший за ним Марис.

— Не то слово...

— Ага! — торжествовала журналистка. — А говорили не соваться в бар!

Глава шестая,

*в которой Феликс Муравьев
принимает адресованное
миру послание*

До Яновой ночи, самой короткой в году, и откровенно языческого праздника Лиго — с его древними обрядами солнцепоклонников, до самой светлой ночи оставалось больше месяца, поэтому «заговорщикам» полуночи ждать не пришлось. В одиннадцать на улицах было темно и тихо.

Феликс поставил машину в кусты, подальше от фонарей на перекрестке, и скомандовал:

— Выходите, молодежь. Ждите у ворот, — а сам извлек из багажника кейс, включил сигнализацию и стремительно пересек улицу.

Елизавета, подпрыгивая, заглядывала через прутья чугунной ограды и шепотом приговаривала:

— Как мне не терпится поглядеть, что там внутри! Не поверите — я, как только впервые увидала особняк Бебриса, сразу почувствовала, что побываю здесь... Только кто ж знал, что сначала хозяин умрет...

— Да уж, кто-кто, а хозяин нас врасплох не застанет... — зловеще усмехнулся Марис Кисис. — Разве что в виде призрака...

Елизавету передернуло:

— Ну и шуточки у вас! А как же мы туда проникнем? Будем открывать отмычкой?

— Отмычка — вещь хорошая, — невозмутимо изрек Феликс, — но есть лучший способ проникнуть в запертое помещение — открыть дверь ключами.

— Ну да, — хихикнула Елизавета, — и застать там возле трупов убийцу с поднятыми руками и чистосердечным признанием...

Феликс достал из кейса связку и эффектно потряс ключами, как колокольчиками. Вслед за ключами последовали фонарик и медицинские перчатки. Натянув их, Феликс справился с замком и распахнул ворота.

Елизавета с Марисом сразу бросились к лестнице, наперегонки взбежали по ступеням и нетерпеливо ожидали, пока Феликс срывал печать и открывал двери. Посветив фонарем, он переступил порог, огляделся и заявил:

— Ждите меня на веранде, ничего не трогайте и не включайте свет. Я должен проверить подземный ход.

Он сбежал по лестнице и направился в глубь двора, освещая себе путь фонарем и сверяясь с планом архитектора Кошечкина. Легко раздвинул створки гаражных ворот, и тут же сработал сенсорный выключатель.

Феликс осторожно спустился по ступенькам вниз, прошел по широкому коридору, потом поднялся по высокой лестнице и очутился на лестничной площадке. Нажал секретную кнопку на белой стене, и она сразу разъехалась. За ней был темный коридор — тот самый, с нишами. Сделав несколько шагов, Феликс оказался в углублении одной из ниш. Проем мгновенно исчез. Здесь сенсорных выключателей не было, и пришлось снова зажечь фонарь. Сверяясь с чертежом, он вышел на веранду, отсчитал нужное количество плиток на полу, коснулся стены и замер в ожидании. Несколько долгих секунд ничего

не происходило. Наконец послышался протяжный шипящий звук, зеркало начало отъезжать, открывая залитый светом проем с уходящими вниз ступенями. Когда проем сделался шириной во всю лестницу, стена со стуком остановилась.

Вдруг к нему кинулись Елизавета и Марис, с любопытством осматривающие образовавшийся люк. Шустрая журналистка первой ринулась вниз. Ступени вели в коридор, плавно сворачивающий куда-то влево. Елизавета скрылась за поворотом, крикнув мужчинам:

— Здесь комната!

Прошло совсем немного времени, и неожиданно со стороны комнаты раздался истошный вопль. Девушка торпедой неслась обратно, прижимая ладонь ко рту, едва не протаранив отскочивших к стенке сыщика и Мариса.

Феликс поспешно извлек из кейса пузырек с нашатырем, передал Марису:

— Иди приведи ее в чувство и снова спускайся ко мне.

А сам двинулся дальше, держа перед собой пистолет Макарова, миновал коридор и замер на пороге: в комнате, оборудованной под склад, но с абсолютно пустыми полками, взгляду открывалась поистине жуткая картина...

На полу в запекшейся крови лежали Серж и Гунча, осыпанные долларами, рядом валялись их стволы и мобильные телефоны. Положение тел и рассыпанные деньги говорили о том, что эти двое в ссоре перестреляли друг друга.

Феликс осторожно поднял с пола сначала один, потом второй мобильник. Оба находились в нерабочем состоянии, а первый к тому же имел аккуратную сквозную дырочку.

— Пуля? Может, застряла где-то? Я поищу, — произнес появившийся рядом Марис.

— Мобильник лежал вон там. Дырка сквозная. Но в полу ничего нет...

— Да, странно...

— Меня не это поражает. Я же сам наблюдал момент выстрела в Интернете... Сначала Серж упал, потом связь прервалась...

— Странный калибр...

— Угу... Нестандартный... И по краям — взгляни: отверстие не оплавлено... Черт меня подери, если я хоть что-то понимаю!

— Значит, твоя версия о киллере-маньяке не подтверждается? Ведь эти двое сами друг друга прикончили! А деньги? Они что, Бебриса обокрали?

Феликс тяжело вздохнул.

— Помоги обыскать тела... Я же говорю — качественная инсценировка. Я бы сказал, талантливая... Если бы я собственными глазами не видел, как все произошло на самом деле! Ну, почти все... Интересно, мою камеру он с собой прихватил или где-то выбросил? Смотри, зуб Сержа валяется! Товарищ киллер не поленился подобрать его на лестнице и рядышком пристроить... — он извлек из кармана Сержа пустой бумажник. — Со мной сегодня расплатились из этого вот бумажника. И там еще немало оставалось. Давай-ка сравним...

Феликс достал свою стодолларовую купюру, поднял одну из валявшихся, окровавленных, показал Марису:

— Видишь? Одна и та же серия! Убеждает? Киллер просто разбросал содержимое их карманов... Сними-ка пока пальчики, мне понадобится экспресс-экспертиза. У меня там, в кейсе, все принадлежности и ноутбук со сканером... А я обновлю свою мобильную видеокамеру.

Закончив с проверкой, Марис сообщил:

— Здесь нет отпечатков. Только на мобильных и на пушках. Сейчас... Подожди... Отсканирую и проверю по базе...

Феликс подошел к монитору взглянуть на результаты. Поисковая система, как и ожидалось, идентифицировала отпечатки пальцев как принадлежащие Сергею Манюхину и Гунтису Озолсу.

— Вот тебе доказательство инсценировки. Не могли же наши «наполионовцы» сначала аккуратно стереть все отпечатки, какие были в помещении, а потом по команде стреляться? Не говоря уже об обратном порядке действий. Трассологам тут тоже есть чем поживиться... — он стал подбирать ключ к очередной двери. — Давай посмотрим, что там...

За дверью оказались два смежных помещения, оборудованных под лабораторию, но они были пусты.

— Теперь раскручивать тему с наркотой — забота Сенина. Мне здесь больше делать нечего, — заявил Феликс.

— Хочешь сказать, что во всем уже разобрался? — съязвил Марис.

— Я кто, по-твоему, господь бог?! — рассердился детектив. — Пока вопросов намного больше, чем ответов. Что-то мне подсказывает: здесь зашифровано послание. Мне срочно нужна консультация психолога. И Гиены. Марис, позаботься, чтобы вызвали именно ее.

— Сделаем.

— Я ухожу и забираю с собой Елизавету. Можешь звонить своей Вите-Авите. Подумал, как объяснишь свое появление здесь?

— Скажу, гулял по взморью, случайно проходил мимо, увидел горящий свет, а потом — сорванную печать и распахнутые двери.

— Подкинь Сенину идейку, что тут был кто-то из работников лаборатории...

— Мы ведь останемся, не уедем? — забираясь в машину, беспокоилась журналистка, все еще бледная после пережитого шока.

— Конечно, досмотрим финал спектакля из-за кулис, — ответил Феликс. — Только сначала обыщем ближайšie мусорные урны и контейнеры. Может, повезет, найдем GP-камеру...

Он затормозил у первого большого контейнера, выскочил из машины, надел перчатки и стал рыться в мусоре.

— Есть! — услышала Елизавета его возглас.

Вскоре Феликс вернулся, включил в салоне свет, затянул найденную камеру в полиэтилен и отправил ее в кейс с вещдоками.

Потом извлек из кармана добытую Елизаветой в баре «Наполионе» накладную, аккуратно разгладил ее и прочитал вслух:

«SIA «Napolione». Товарно-транспортная накладная. Наименование товара: Статуи античных богов. Количество: две. Пункт отправки — Европа, Латвия, Рига. Пункт назначения: Африка, страна Ланго-Ланга. Город: Ланго-Ланга...»

— Елизавета! Вы понимаете, что нашли?! Понимаете, какую дали мне улику?!

— Почему не понимаю? Очень даже понимаю. Бебрис, видимо, приторговывал антиквариатом, в том числе фальшивым. Я вспомнила кое-что: на вечеринке у Варвары скульптор Роберт Лиладзе рассказывал мне, что Бебрис предлагал ему

халтурку — делать гипсовые копии античных статуй, под мрамор. Он отказался, а кто-то из его коллег согласился... Наверное, за это Бебриса и...

— Нет, я не про то, — перебил ее Феликс. — Теперь я точно знаю ближайшие планы киллера. Крохину заказали мою скромную персону, сомнений больше нет. Я знал, что в Ланго-Ланга все непросто, что там какая-то мафия орудует... — он вдруг хлопнул себя по лбу. — Баронесса! Как же я сразу не подумал... Что им стоит до нее добраться! — и тут же схватил мобильник. — Мама? Ты все еще в Стокгольме?

— Феликс! Ты! Уже знаешь, что я победила?! Ну, и где твои поздравления?

— Ты хочешь сказать...

— Да, я выиграла! Выиграла! — торжествовала баронесса. — Алмазные копи снова принадлежат нам! А тебе кто сообщил?

— Подожди, мама, где ты сейчас находишься?

— В ресторане. Мы празднуем вместе с адвокатами. Я уже связалась с германским туроператором, который занимается чартерами в Африку — «Экстрим-тур», — и заказала два билета. Может, еще один заказать — для Норы?

В голосе у Феликса появился едкий сарказм:

— Поздравляю тебя с успехом. Помнишь, я повторял: наш успех — это наш приговор?

— Ты опять за свое? Что с тобой, сын? Почему ты такой замороженный? Неужели не рад?

— Слушай меня, мама, и не возражай, пожалуйста. Речь идет о жизни — твоей и моей. Ты ведь ни разу не пожалела, когда меня слушала? Так вот. Делай в точности, как я говорю. И ни одного слова адвокатам. Вызывай такси и поезжай в отель — не в свой, в другой. Из своего не выписывайся. Захвати с собой только деньги, документы и смену одежды. На ресепшене назовись другим именем. В номере переоденься и как можно незаметнее покинь его. Поймай на улице такси...

— Ты решил поиграть со мной в шпионов? Разыгрываешь? — расхохоталась баронесса.

— Мама, мне не до шуток. Нас заказали, я только что это выяснил. Следы ведут в Ланго-Ланга...

— Ага! Значит, они поняли, что проиграют! Но теперь-то какой в этом резон? Судебное решение вступило в силу с момента провозглашения!

— У них наверняка готов план. Сейчас надо опередить их хотя бы на два шага. Ты все запомнила? Выйдя из второго отеля, бери на улице такси и доберись до третьей гостиницы. Там остановись под чужим именем и сразу посылай мне SMS, а лучше — MMS, видеоизображение. Будь очень осторожна. Я пришлю тебе охрану и завтра приеду сам. Все. Жди меня. Целую.

— Что происходит? — ошалело спросила Елизавета. — Я словно в параллельную реальность провалилась. Что за страной — Ланго-Ланга? Разве есть такая на карте мира?

Феликс постарался справиться с лихорадочным волнением и объяснил:

— Еще совсем недавно — не было. А теперь эта страна обрела независимость от Намибии. Крошечное государство-анклав в Юго-Западной Африке. С богатейшими месторождениями алмазов ювелирного качества... Без помощи бледнолицых братьев там уж не обошлось. Хотите сенсацию?

— Риторический вопрос!

— Дядя моей матери Мартин фон Прупис владел землей в тех далеких краях. И оставил ее Сильвии в наследство. Моя мать тогда еще в школе училась, в советской. Ее вызвали в КГБ и заставили подписать отказ от наследства в пользу африканского пролетариата и крестьянства.

— Отказалась от алмазов?! У нее был выбор, и она отказалась?! Разве такое бывает?

— Выбор был предрешен, это ясно. Чекисты сами положили глаз на африканские алмазы. Им только нужна была ее подпись, потому что ее, как наследницу, разыскала Инюр-коллегия. Организация, с которой лучше было не ссориться. А потом, после перестройки, баронесса съездила в Африку, чтобы взглянуть на «свои» деревни. Но как раз в том районе тогда находилась зона военных действий. До бывшего имения фон Пруписов моя мать так и не добралась, но масштаб ее потери стал ей ясен. Кто-то надоумил ее обратиться в международный суд. Иск приняли. Десять лет она сражалась за свои алмазные копи, сколько я ее не отговаривал.

Все это время я не особенно за нее беспокоился — дело казалось мне абсолютно безнадежным. Вплоть до происшествия на нашей с Норой свадьбе. Прогремел взрыв — там, где должен был проезжать свадебный кортеж. Но выезд, к счастью, задержался, и никто не пострадал. Полиция никого не нашла, а я расслабился. Зато теперь... Только что моя мама сообщила, что выиграла суд! Теперь нас в покое не оставят...

— Я что-то теряю нить... — призналась Елизавета. — Кто это «они»?

— Если бы я знал... Наследники захватчиков. Или новые захватчики — алмазная мафия, наркомафия, террористы...

— Я хочу туда съездить! Как сделать визу в Ланго-Ланга?

— Там до сих пор воюют. Выбросьте это из головы. Для серии статей у вас и так материала достаточно. А я-то ломал голову, кому мог костью в горле стать... Зачем Крохин меня выманивал в особняк Бебриса. И что могло нас с Бебрисом связывать. В этой накладной — разгадка! Ланго-Ланга.

Лиза недовольно пропищала:

— Я опять ничего не поняла! Объясните, пожалуйста.

— Схема такая: Бебрис шлет в Африку наркотики, а оттуда получает контрабандные алмазы. Расширяя рынки сбыта для своего «счастья», он задел интересы кого-то из тузов наркомафии. В результате получил веревку на шею... А мы с Баронессой тем же ребятам наступаем на пятки...

— Смотрите, полиция едет! — вдруг вскрикнула Елизавета. — Не слишком они торопились!

Полицейский «форд» остановился у чугунной ограды особняка. Из распахнувшихся дверей выскочили трое мужчин и молодая женщина в форме и стремглав бросились в открытые ворота. Минут десять спустя оттуда вышел следователь Марис Кисис и начал озираться в поисках BMW Феликса. Феликс тронулся с места, подъехал, притормозил возле него и открыл дверцу:

— Какие новости?

Марис Кисис протиснулся на переднее сиденье:

— Отъезжай скорее, пока Сенин не заметил! Он тебя вычислил по запаху...

— То есть?

— Только успел явиться, принялась и заявляет: «Ваш дружок Муравьев может надевать хоть десять пар перчаток, я его одеколон «Версаче» за километр почую»...

— Что за глупости, я давно «Дюной» пользуюсь! Так какие у нас новости?

— Две классические.

— Давай сначала хорошую.

— Гиена уже в дороге.

— А вторая?

— Сенин потребовал, чтобы я передал: он ждет тебя завтра для объяснений. Иначе пришлет повестку.

— А Крохин его по-прежнему не интересует? Мне что, через прокурора действовать?

— Он взял мои показания и тут же выгнал. Теперь только на Витку надежда...

В этот момент у Феликса зазвонил мобильник. «Мариэтта» — высветилось на дисплее. Он досадливо поморщился и, нажав кнопку, проговорил:

— Мариэтта, я еще занят, вы можете подождать до завтра?

— Хоть до послезавтра, ради бога, — с легким смешком ответила женщина. — Вы все равно ко мне примчитесь, как только узнаете, зачем звоню. Угадайте с трех раз, кто ко мне явился?

— Андрей Малов?

— Может быть, скажете также, зачем он ко мне пришел?

И где скрывался? — удивилась Мариэтта.

— А можно мне самому с ним поговорить?

— Конечно, приезжайте.

Глава седьмая,

*в которой Феликс едва не попадает
за решетку, а затем знакомится с тайной
«красивого трупа» Жоржа Бебриса*

Мариэтта проводила Феликса в гостиную и представила его Малову:

— Это Феликс Муравьев, частный детектив. Он разыскивает убийцу Бебриса и твоих друзей.

— У меня очень мало времени, Андрей, — начал Феликс, усаживаясь в кресло. — Полная откровенность! Это и в ваших интересах.

— Спрашивайте, — угрюмо согласился Малов.

— Расскажите про вашу ссору с Бебрисом.

— Ну... Жоржик в последнее время охренел совершенно. Предложил с ним жить. Я, понятно, отказался от такой радости, мне еще бабы не надоели. Он давай уламывать — то да се, все в жизни надо попробовать... А я ответил, что, мол, на меня больше не рассчитывай. Он понял, что я серьезно, и прикинулся, что это, типа, шутка. Обещал даже зарплату прибавить. Короче, на прошлой неделе в «Голубой устрице» он меня опозорил на всю Ригу. Надрызгался, кинулся на колени и стал признаваться в любви. Я психанул, двинул его по морде и уехал. Но ведь из этого бизнеса так просто не уйдешь, надо было все по уму сделать. Вот я и подготовился к последнему базару, приехал к Жоржику сегодня утром, а у дома — полиция. Я и дал деру...

— А почему вы испугались? Вы же его не убивали?

— Конечно, не убивал! — в отчаянии завопил Малов. — Сам он себя кончил или его заказали. А я крайний получаюсь!

— А чем он вас шантажировал? Наркотиками? Можете ничего не скрывать — мне известно про лабораторию по производству «счастья» в особняке Бебриса. Мы нашли тела Сержа и Гунчи в помещении склада. Теперь и полиция в курсе, сейчас там работает группа... Они быстро выяснят, что в баре «Наполионе» распространяли наркотики, что в нем работали проститутки, что Бебрис был связан с поставками «секс-рабынь» за границу. И вы во все эти дела замешаны.

— Я ничего не знаю...

— Зато я знаю: вы хотели утаить, что побывали в особняке Бебриса после ссоры с ним. Что вы искали?

— Я хотел... — у телохранителя забежали глазки, — я хотел забрать свои вещи...

— Опять лжете! Вы наткнулись на трупы, испугались, но тем не менее стерли все свои отпечатки пальцев. Боюсь, адвокат вам все же понадобится. Вы знали о потайных механизмах в особняке, не так ли?

— Да, но... Я не видел никаких трупов... Увидел открытую дверь на веранду... Только «колеса» забрал из этой, как ее... Венеры Медицинской...

— ...Медицейской, — автоматически поправил Феликс.

— Ну да, которая с руками... Да какая разница...

— Вы были в сговоре с работниками лаборатории. Они изготовляли какое-то количество наркотиков сверх заказа и оставляли для вас партию в статуе Венеры. Вы их продавали, а прибыль делили... Скажите, пожар в баре «Наполионе» тоже вы устроили?

— Откуда... как... вы знаете? — пробормотал потрясенный Малов. И выдал: — Она говорила, вы мне поможете...

Феликс окончательно рассердился.

— Вы же знаете, из-за чего заказали Бебриса!

Малова буквально прорвало:

— Я его предупреждал, не надо ссориться с теми африканскими вояками. Российская наркомафия поперла нас из Европы, и он решил на Африку перекинуться. Послал туда партию «колес»...

— ...поместив ее в античные статуи? — перебил Феликс, давно догадавшийся о хитроумном способе транспортировки.

— Профи! — хрипловато ахнула Мариэтта.

Малов затравленно перевел взгляд с нее на Феликса.

— Ну да, в статуи. Но оттуда вместо денег прислали два желтых алмаза. Жоржик стал на них наезжать, мол, камешки ему не в тему, и вот результат...

— Стоп. Вы должны знать, какая авиакомпания перевозила статуи.

— Чартерная. «Экзо-тур». То есть раньше они так назывались. Теперь называются «Экстрим-тур», но это те же ребята. Как бы представительство германской компании с тем же названием.

— Вот оно как... «Экстрим-тур»... И алмазы тоже через них пересылали из Африки?

— Ну да. Я сам в аэропорту встречал.

— Дайте-ка мне координаты этой фирмы!

— У меня только мобильный, сейчас найду в записной книжке... Офис у них в Старой Риге, в том же доме, где «Макдоналдс».

— Понятно. Так вы явились в особняк Бебриса опустошить его сейф?

— А что, надо было ждать, пока дочка до него доберется? Но я не нашел пульта и понял, что киллер меня опередил и что я тоже могу оказаться на мушке. Поэтому решил бежать. Только сначала хотел проверить, не осталось ли чего на складе. А там — Серж и Гунча в виде тушек... Я стер свои отпечатки и рванул когти. А что бы вы сделали на моем месте?

Феликс поднялся с кресла и жестко заявил:

— Единственное, что вам сейчас остается, — это явиться в полицию с повинной и сдать партию наркотиков. Могу держать пари: вы не все свои отпечатки стерли. Пойдемте со мной, я вас отвезу.

Малов неожиданно вскочил, отбросив стул, и с криком повернулся к Мариэтте:

— Говорила, он поможет! Хороша помощь — ментам сдать!

В этот момент раздались звонки в дверь, стук, громкие голоса:

— Откройте, полиция!

Малов переменялся в лице, вырвал из кармана куртки пистолет, направил его на Феликса и рывком:

— Не двигаться! — затем приставил ствол к виску Мариэтты и заорал:

— Здесь заложница, убирайтесь, а то пристрелю!

— Что за шутки, Феликс, вы в своем уме? — послышался голос Сенина, однако стук и звонки прекратились.

— Беги через балкон, балда, еще не поздно! — прошипел Феликс, не отрывая взгляда от Малова.

Но к стеклянной створке балкона уже прикикло курносое веснушчатое лицо. Авида бесшумно прокралась в комнату, приблизилась сзади к Малову и, вырвав из его рук пистолет, закричала:

— Стоять, руки вверх!

Андрей подскочил от неожиданности, но тут же вернулся и выбил ствол из ее рук. Феликс кинулся на помощь. Малов отчаянно боролся. Мариэтта, мигом придя в себя, схватила со стола хрустальную вазу и обрушила на голову

Андрею. Оглушенный, тот на несколько секунд прекратил сопротивление, и Феликсу удалось его скрутить.

Мариэтта бросилась открывать двери, и в квартиру тут же ворвались Сенин и два оперативника. Капитан принялся раздавать команды:

— Малову — браслеты! Обыскать, объяснить причину задержания, и — в машину!

Один из помощников надел на телохранителя наручники и вывел его из квартиры. Феликс двинулся было следом, но удивленно остановился, услышав за спиной:

— Господин Муравьев, а вы куда? Стоять! Руки за голову! Вы задерживаетесь по подозрению в причастности к захвату заложницы, убийству в особняке покойного Жоржа Бебриса и введению в заблуждение правоохранительных органов. Этого вашему адвокату будет достаточно? — злорадно глумился следователь, а затем бросил оперативнику: — Сажай его к нам в машину!

— Господин Муравьев меня спас, вы ошибаетесь, — раздался низкий Мариэттин голос. Они уже курили вместе с Авитой на кухне и пока не вмешивались в происходящее.

— Авита, возьми у потерпевшей показания, мы в машине подождем! — распорядился Сенин.

— Вы что, на самом деле меня подозреваете? — возмутился Феликс. — Спросите вашу помощницу — она свидетель, что я не причастен к захвату...

— Я всегда всех подозреваю, — процедил сквозь зубы Сенин. — У меня работа такая — подозревать... Пока преступления случаются там, где вы побываете. Я знал, что вы мне подослали Мариса Кисиса, дружка вашего. Знал, что он меня на вас выведет. Но такого даже я не ожидал!

На улице Сенин подошел к машине Феликса, подождал, пока подведут его самого, и обратился к помощнику:

— Давайте ключи от его тачки, хочу ее обыскать...

Этого еще не хватало! На заднем сиденье спала Лиза, кейс тоже лежал в салоне — с ключами от особняка Бебриса, с отснятыми видеокдрами его незаконного вторжения, с упакованными в пластиковый пакет окровавленными перчатками...

— У меня на дверях аудиозамок, он открывается только при помощи пароля, — нагло соврал детектив. — Но вам я его

не сообщу. Без санкции прокурора. Кроме того, я имею право на звонок адвокату.

— Да пошел ты, — не выдержал Сенин и направился к полицейской машине. — Катись! Завтра жду твоих объяснений у себя в отделе, понятно, Муравьев?

— Так точно, капитан! — откозырял детектив, дожидаясь, пока за Сениным не захлопнется дверца.

Марис Кисис снова сидел рядом с Феликсом в его машине, вводя в курс новостей. Рабочий день детектива плавно перетекал в следующее утро, а он все колесил между Ригой и Юрмалой — сначала отвез Елизавету, потом встретился в морге с Гиеной, а теперь вот слушал Мариса.

— Короче, Сенин решил на Малова всех собак навешать: и наркоту, и Бебриса, и сутенеров... — говорил Марис, понизив голос до шепота. — Я одного в толк не возьму: неужели он рассчитывает, что сумеет свой бред собачий суду втюхать? Не боится опозориться на всю страну?

— Ну, во-первых, страна не такая уж большая... А если серьезно, позор его волнует меньше всего. К тому же осуждали и с меньшим количеством доказательств. А тут и отпечатки нашлись, и ключи у Малова с собой были, и про тайник в особняке он в курсе... Не забывай про попытку захвата заложницы и ссору с Бебрисом. Сенин свою добычу не упустит. Малов — парень не бедный. Петр не успокоится, пока не разденет его до нитки, прежде чем подозрение в убийстве с него снимет. Если снимет.

— Ты знаешь, что Сенин берет взятки, и молчишь? — возмутился Марис.

— А что? Пока его с личным поймают, он успеет на пенсию выйти. Черт с ним, с Сениным. Меня сейчас другое заботит: Виктор Крохин. Он вот-вот за океаном исчезнет, а мне все не удается его к делу пристроить... Надеюсь, после встречи с Гиеной мне будет о чем Земянову поведать. Знаешь, что мне пришлось в голову? Те два желтых алмаза, которыми как бы расплатились за наркотики с Бебрисом, а потом велели киллеру отобрать. Они же должны быть у Крохина. Дай наводку российским таможенникам!

— Феликс, вторую ночь подряд я посвящаю тебе. Если мой муж меня бросит, ты будешь виноват! — кокетливо укоряла детектива главный судмедэксперт Ванда Заблецка, проводя его с Марисом по своим замороженным владениям, где она ощущала себя как рыба в воде. — Ты тогда женишься на мне как джентльмен?

— Если согласишься перейти вместе со мной в мусульманскую веру и стать второй женой, — непринужденно ответил ей Феликс.

Гиена расхохоталась.

— Тогда тебе понадобится еще одна — чтобы всегда можно было составить партию в бридж! А вот и красивый труп Жоржа Бебриса, — сообщила она, притормозив около носилок с укрытым простыней телом. — Но сначала полюбуемся двумя другими красавцами. Прошу вас, господа! — и Ванда отбросила покрывала с двух стоявших рядом топчанов. — Прошу — Сергей Манюхин и Гунтис Озолс. Смерть от огнестрельных ранений. Оба как бы разрядили друг в друга свои пистолеты. Но у каждого — по одному одинаковому несовместимому с жизнью ранению в сердечную мышцу. Понимаете? У каждого!

— Ну да... — сообразил Феликс. — В таком случае они, уже едва живые, изрешеченные пулями, должны были одновременно прицельно попасть друг другу прямо в сердце. А это нереально. Что-нибудь еще?

— Кровь. Там была лужа крови, но слишком мало следов в виде брызг... Как будто расстреливали уже неживых. И еще — запах... Не тот запах.

— Ванда, ты себя недооценила, — восхитился Феликс. — Ты настоящий аналитик. Так вот, слушай. Я точно знаю, что этих парней убил третий. Я сам видел, как все произошло.

— Пойдем ко мне в кабинет, сядем, — предложила Ванда. — Я сделаю кофе. Как ты любишь — горячий, крепкий и сладкий...

— А Марису — чай. Он пьет только чай.

— Иногда он и ест, кстати! Если можно, какую-нибудь плюшку, — жалобно взмолился вдруг Марис. — Я человек простой, не могу на одном адреналине жить, как вы оба!

...Феликс уже сбился со счета, в который раз за последние сутки рассказывал историю с интернет-убийством. Поведал он Гиене и все то, что узнал про Виктора Крохина и гибель его невесты Рады от его матери.

Ванда слушала внимательно и заинтересованно, ни разу не перебив. Когда он замолчал, произнесла не без пафоса:

— И что, после подобных историй вы, гуманисты, продолжаете любить людей?!

Феликс вздохнул. Вопрос был риторическим, в духе Гиены.

— Все же что-то у меня не клеится... — продолжала она. — Допустим, его психику обрушила эта травма. Я бы поняла, если бы он после этого стал маньяком-мстителем. Но киллером?! Как, почему? «Нравственное помешательство»?

— А в этой «профессии» других и не бывает... Что его заставило? Пока остается только гадать. Может, он разделался с убийцами Рады, а те, кто их послал, его на этом подловили и вынудили на себя работать. Или что-то в этом роде...

— Если твоя догадка верна, их нетрудно будет отыскать, этих бывших партнеров Рады. Или трудно, но все-таки реально... Обратись в питерскую милицию, запроси материалы дела — они же проходили по нему, если я правильно поняла.

— Скорее всего, теперь их следует искать в Африке. В Ланго-Ланга. У тебя не голова, а дом советов. Скажи, Марис!

Оголодавший Марис, жуя третью булку, согласно помычал.

— Так что нового про Бебриса?

Ванда загадочно усмехнулась и привычно поддразнила:

— Не расплатитесь, граф!

Феликс усмехнулся не менее загадочно:

— Бог даст, расплачусь — великолепным желтым бриллиантом. На ближайшее будущее у меня ясно определилась альтернатива: или я становлюсь очень богатым, или... совсем мертвым. В твоих интересах — первое!

— Рассчитывай на меня! — поспешила заверить Гиена. — Я слушаю очень внимательно. Не беспокойся, мои подопечные никуда не денутся — это не твои.

Феликс рассказал Ванде про Ланго-Ланга и про свои опасения насчет Баронессы.

— Теперь ты знаешь все. Что скажешь?

— У меня есть идея, как отвести удар от Баронессы, — задумчиво прищурила свои вампирские глаза Гиена. — Ты вообще-то везунчик. Главный врач Стокгольмского Королевского госпиталя — мой давний приятель. Поместим ее в кардиологию и объявим, что она при смерти. Потом привезем на вертолете в Ригу... Дальше видно будет, пока не разберешься с киллерами и заказчиками.

— Спасибо, Ванда. А что с Бебрисом?

— А-а-а, и я сумела тебя заинтриговать? Ну, пойдём... Посмотри, ты видал когда-нибудь такого красивого удушенника?

Феликс, наконец, понял, на что намекала Ванда: на бледном лице Бебриса не было приводящих людей в ужас характерных признаков смерти от насильственного удушения: вздутой синелиловой кожи, вылезших из орбит глаз...

— Белки глаз — на удивление чистые, без лопнувших сосудов, — добавила она.

— Но ты же сама констатировала суицид. Это мне в пору удивляться...

— Суицид констатировал следователь.

— Ты же с ним была согласна...

— Пока ты меня не поколебал. Этот синячок и царапина на его груди не давали мне покоя... К тому же разрыв сердечной мышцы имел очень странный вид. Не разрыв, а взрыв. И у тех двоих ребят похожая картина. Ну ладно, допустим, у Бебриса все-таки случился инфаркт — почти одновременно с самоубийством. Инфаркт в его опасном возрасте — явление нередкое. Но хоть какие-то признаки должны его сопровождать или ему предшествовать? Подумала я и не поленилась заглянуть в поликлинику, чтобы проверить его карточку. Так вот, мой друг: у Бебриса было исключительно здоровое сердце. Идеальная кардиограмма, с таким мотором ему бы еще жить и жить...

— А Сенину ты изложила свои соображения?

— Да, но бесполезно. Отсутствие следов борьбы, классические признаки быстрого удушения и предсмертная записка, на его взгляд, перевешивали всякие «смутные подозрения». Пока он не вцепился в этого несчастного Малова. Теперь я уже и не рада своей дотошности... Я все вспоминала твои догадки про инъекцию... На международных симпозиумах разное при-

ходится слышать: про мгновенно разлагающиеся в крови яды, про оружие, стреляющее отравленными иглами...

— А ты меня сбила с толку своим замечанием, что в таком случае нет никакого смысла фальсифицировать суицид...

— А если смысл — это как раз скрыть следы использования какого-то секретного оружия? — внезапно возбужденно встрял до сих пор не проронивший ни звука Марис Кисис. — Это объясняет и странные выстрелы в сердце у Сержа и у Гунчи... Помнишь, Феликс, ты сказал: «Он выбирал меньшее из зол»? А дырочка в мобильнике? Я до сих пор не видел пуль такого странного калибра. Да и сейчас не видел — ни пули, ни гильзы.

— Отверстие не было оплавлено по краям, — вспомнил Феликс и высказал мелькнувшее вдруг у него дикое предположение: — В порядке бреда, вы что-нибудь слышали про «ледяные пули»?

— Пули изо льда? Разве это не досужие вымыслы интернет-шутников? — удивилась Ванда. — И где тогда след от выстрела? А... Ты имеешь в виду эту царапину? При сгущенной крови может отсутствовать кровотечение... Я не знаю, ты привел меня в полное замешательство...

— Если киллер действительно применяет новый вид оружия и скрывает следы его применения, напрашивается вывод: он участник секретного эксперимента какой-то подпольной военной организации. Хотя это и не обязательно — он может действовать и в одиночку... В любом случае мы столкнулись с чем-то из ряда вон выходящим. Сенин мне сказал, что он сам обыскивал Крохина и при нем не нашел оружия. Значит, оно замаскировано: под ручку, карандаш, часы...

— Он что, Джеймс Бонд, этот ваш Крохин? — с досадой вклинился Марис. — Или Фантомас?

— И с чего ты намерен начать, разгребая эту кучу-малу? — с легкой иронией поинтересовалась Ванда.

— С азов криминологии: с анализа личности подозреваемого. Я должен докопаться до смысла его «мэсседжей» — посланий... Елизавета Сидорова уверяет: они выражают неадекватный протест против смерти. Теперь мне сдается, в этом что-то есть...

— Можно подробнее? — заинтересованно переспросила Ванда Заблеца.

— Только не сейчас. Пощади. Я выдохся. Поехали по домам. А я сначала встречусь с Валерой Земяновым, потом пару часов посплю и полечу в Стокгольм. Вместо себя оставлю Татьяну. И на тебя, Марис, продолжаю рассчитывать.

— Само собой. Не вопрос.

— Ты прав, — проговорила Ванда. — Нам всем пора отдохнуть. Вы меня отвезете?

По дороге домой Ванда напомнила Феликсу:

— Ты говорил про какие-то послания киллера... Что ты имел в виду?

— Ничего конкретного, смутные догадки, как ты выражаешься... Какая-то театральность, аффектация, какие-то зашифрованные символы... Демонстративно вывешенный на улицу, словно знамя, Бебрис... Подброшенные для меня ключи... Тщательно отрежиссированная мизансцена в подвале: лужи крови, деньги, оружие, пули... Прямо-таки презентация убийства!

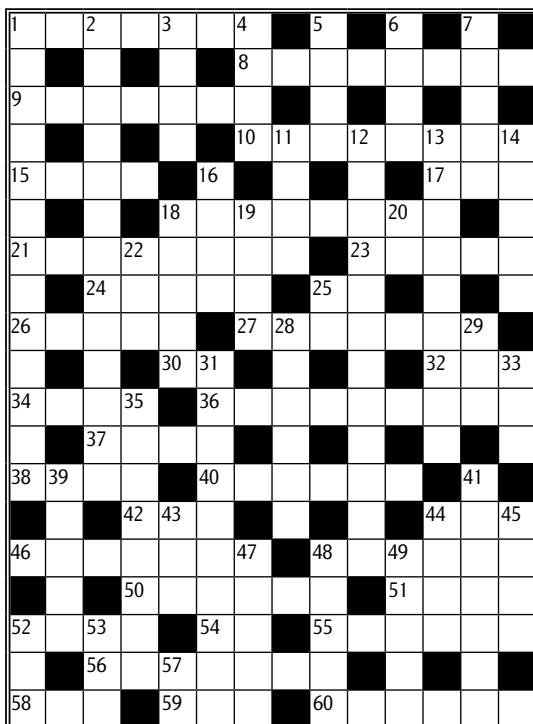
— Подброшенные ключи? — оживилась Ванда. — После того как ты не явился туда, где тебя ожидала пуля киллера? Это похоже... на «штраф за невыполненный контракт»!

— Ты имеешь в виду...

— Ну да! Крохин как игрок мог нам устроить головоломку из терминологии бриджа. Зашифровать составные части игры: «торговлю», «розыгрыш», «вист»... «Большой шлем», наконец...

— Интересная мысль, — загорелся Феликс. — Спасибо. Я подумаю... И с психологами посоветуюсь... ☞

Окончание следует.

По горизонтали: 1. Организатор Русских балетных сезонов в Париже. 8. И мучительное, и мучающее чувство. 9. Плоскодонка Кости-моряка, полная кефали. 10. Гордыня, порожденная высотой положения. 15. Невзрачная подружка обладателя роскошного хвоста в мире пернатых. 17. Французский шевалье, в образе девицы проведший императрицу Елизавету Петровну. 18. Человек, готовый приготовить яичницу без яиц. 21. Работник теплого места. 23. «Камерный жилец». 24. Сладкую ели оба, а горькую — одна. 25. Продуваемое всеми ветрами место. 26. Субъект, приглядывающий к силе тока. 27. Почти каждый бурят или калмык по вере. 30. Шампанское, воспетое А. Пушкиным. 32. Главное вещество в морских водорослях. 34. Сеть финансово-административных учреждений в России, ведавших, кроме прочего, питейными доходами. 36. Английский публицист-сатирик. 37. «Моргало». 38. Норвежский художник. 40. Каждая из греческих богинь изящества и красоты. 42. Орган слуха. 44. Певец по имени Дин. 46. Английский автор романа «История Тома Джонса, Найденыша». 48. Постоянная необходимость. 50. Краситель для джинсов. 51. Геометрический носитель градусов. 52. Русский генерал-фельдмаршал, успешно бивший турок и шведов. 54. Нота. 55. Учение о том, что хорошо

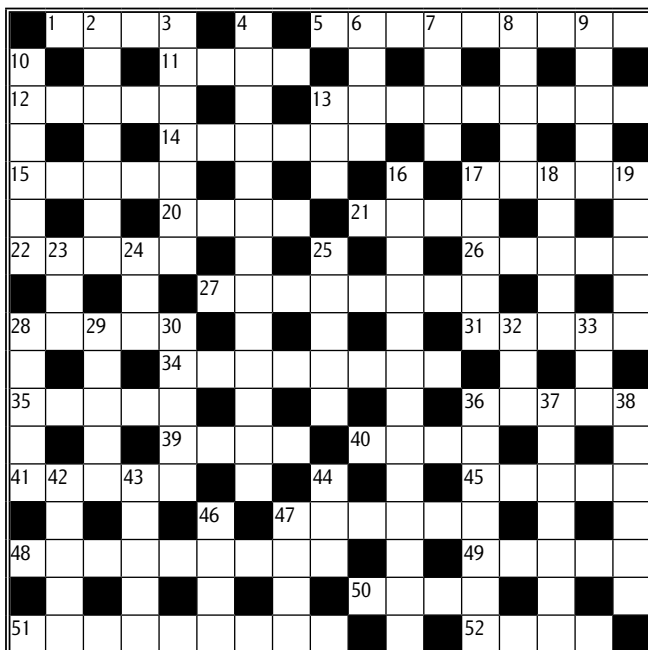
и что плохо. **56.** Античная гречанка. **58.** Лесная птичка. **59.** Река в Центральной России. **60.** Недоросток в семье трески.

По вертикали: **1.** Посредник между завещанием и заждавшимися родственниками. **2.** Результат деятельности олуха. **3.** Последствия скуки. **4.** Специалист, умеющий писать по-латыни. **5.** Животное, разводимое в шкурных интересах. **6.** Порода маленьких собак. **7.** Книга ни уму, ни сердцу. **11.** Сказочный имитатор козы. **12.** Юная естествоиспытательница. **13.** «Ракетчик» среди спортсменов. **14.** Самоцвет, считающийся камнем печали и скорби. **16.** Французская писательница, дружившая с Шопеном. **18.** Холодное оружие горячего петуха. **19.** Иранская валюта. **20.** Самый первый до ижицы. **22.** Сын Н. Бора. **25.** Английский философ. **28.** Греческая богиня. **29.** Фирма ограниченных, но ответственных товарищей. **31.** Субъект, угнетенный мнительностью. **33.** Предел падения. **35.** Самарский псевдоним М. Горького. **39.** Архитектурные останки. **41.** Знатоk клеток. **43.** Лающий япончик. **44.** «Украшение» на голове коровы. **45.** У черта на куличках. **47.** «Санитар» саванны. **48.** Отравляющий газ, сужающий зрачки. **49.** Вертялый плотницкий инструмент. **52.** Его можно дать, а можно отвесить. **53.** Джентльмен за овсянкой. **57.** Английский финансист, организатор финансового кризиса во Франции.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 11

По горизонтали: **1.** Покорность. **6.** Дядюшка. **13.** Руина. **15.** Человеконенавистник. **17.** Ива. **18.** Нестеров. **19.** Жор. **20.** Гитара. **21.** Бабан. **22.** Абазинец. **28.** Отче... **29.** Леонардо. **31.** Центр. **32.** Этна. **33.** Чир. **34.** Астат. **35.** Сити. **36.** Телеса. **37.** Вес. **38.** Небо. **40.** Склеп. **42.** Бант. **44.** Ежевика. **45.** Соня. **46.** Жало. **48.** Темя. **49.** ... Бим. **51.** Гольдони. **52.** Вибрация. **53.** Нить. **54.** Хам. **55.** Накрутка.

По вертикали: **1.** Починка. **2.** Коляска. **3.** Равнение ... **4.** Откровение. **5.** Тент. **7.** Язва. **8.** Юрский. **9.** Шут. **10.** Киноактриса. **11.** Ани. **12.** Унион. **14.** Акварелист. **16.** Аврал. **19.** Жажда. **23.** Бытие. **24.** ... золото... **25.** Ночлежница. **26.** Царство. **27.** Фет. **28.** Отсебятина. **30.** Осока. **31.** Цахес. **38.** Нажива. **39.** Бульба. **40.** Склока. **41.** Помост. **43.** Немота. **47.** Пьер. **49.** Бах. **50.** Мим.

По горизонтали: 1. Прелюбодееание жены, за которое муж-мусульманин держит ее взаперти до ее смерти. 5. Дед известного английского писателя, построивший первый в мире мост на цепях. 11. Мать Ареса, Гебы, Гестаста. 12. В Древней Индии — царь, а теперь — князь. 13. Первая ученая степень Жюль Верна. 14. Русский писатель, сотрудник журналов Н. Новикова. 15. ... молодецкая. 17. Венецианский дукат. 20. Отелло. 21. «... праведных в руце Божии». 22. Головной убор папы римского. 26. Казачий галоп. 27. Музыкальный издатель, открывший торговлю по совету Н. Рубинштейна. 28. Насекомое-страшилка. 31. Французский ученый, установивший связь между полярными сияниями и магнитными бурями. 34. Режиссер сериала «Семнадцать мгновений весны». 35. Патриотка, избавившая Париж от кровавого Марата. 36. Епископ Переяславля и митрополит Киева, организовавший при церквях то ли бани, то ли крещальни. 39. Якутская зимняя обувь. 40. «Откровенная и мимолетная ненависть» (Ш. Дюкло). 41. Английский исследователь, достигший Южного полюса. 45. Французский художник, которого Аполлинер восхвалял за эклектизм. 47. Каждый кулик свое ... хвалит. 48. ПERNАТЫЙ ПЕВЕЦ. 49. Каждая из «опор» гипотенузы. 50. Узбекский поэт-лирик, чьи газели хранятся в Петербурге. 51. «Разве ложь не единственная ... рабов?» (Стендаль). 52. Пассия Кондорито, чилийского Насреддина.

По вертикали: 2. Первый роман Ж. Санд. 3. Дорогие подношения божеству в Древней Греции. 4. Состояние оболваненных людей в Океании (Д. Оруэлл, «1984»). 6. Растение, на котором, по Фету, «горят светляки». 7. Ручной «вентилятор». 8. Немецкий философ. 9. Жираф-недомерок. 10. Город, в котором жил М. Лютер. 12. Рейнеке. 16. Влечение. 17. Римский правитель, убитый во время выступления против Суллы. 18. Анчоус Азовского и Черного морей. 19. Вдохновение на театральном языке. 23. Дерево, олицетворяющее в Китае женское начало – инь. 24. Брат, убитый Ромулом. 25. Красильное растение. 28. Баньян, сикомор, смоковница (общее название). 29. Гранатовое подношение Аида Персефони. 30. Житель проданных Россией США островов. 32. Коралловый подводник. 33. Один из шести слуг в творчестве Р. Киплинга. 36. «Ночная княгиня», знакомая А. Пушкина. 37. Приобретение коллекционера. 38. «Капля вечности» (Л. Стафф). 42. Каменный параллелепипед на стройке. 43. Мощный морской смерч. 44. Потрясение. 46. Морской зверь. 47. Первое блюдо, к которому подают пампушки.

Ответы на эрудит, напечатанный в № 11

По горизонтали: 4. Фомин. 9 «Минотавр». 10. Гранат. 11. Езра. 12. Мопассан. 13. Таджики. 14. Чомга. 18. Бенин. 19. Принц. 21. Урей. 22. Символист. 26. Цветаева. 27. Харчевня... 29. Монтеस्कье. 32. Бике. 33. Товар. 34. Армия. 35. Сартр. 39. Герцог. 40. Жемельон. 41. Лапти. 42. Элиста. 43. Щедрость... 44. Зэйме.

По вертикали: 1. Бирон. 2. Собачей. 3. Каустик. 4. Френч. 5. Мадам. 6. Нгата. 7. Пандури. 8. Вариант. 15. Один. 16. Гавиал. 17. Шуйца. 18. Бекетов. 19. Плечо. 20. Исаврия. 23. Шартр. 24. «Авеста». 25. Дятел. 28. Квят. 29. Морелли. 30. Нарцисс. 31. Громада. 32. Библиос. 35. Сглаз. 36. Репей. 37. Ржище. 38. Кости.

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Заполните купон и оплате квитанцию в любом отделении Сбербанка, вышлите копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1,

или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 60 руб., на 3 месяца – 180 руб., на 6 месяцев – 360 руб.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
		Вид платежа	Дата
	Подписка на журнал «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»		
Кассир	Подпись плательщика		
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
		Вид платежа	Дата
	Подписка на журнал «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»		
Кассир	Подпись плательщика		

А также вы можете подписаться на журнал «Смена» и «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» в любом отделении почтовой связи.

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 84630 – подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Индекс 70820 – подписка на журнал «Смена»</p> <p>Индекс 33233 – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Льготный индекс 33234 (для постоянных подписчиков) – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 16746 – подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Индекс 99406 – подписка на журнал «Смена»</p> <p>Индекс 11602 – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Льготный индекс 11578 (для подписавшихся в 2010 году) – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 87805 – подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Индекс 88998 – подписка на журнал «Смена»</p>

« Крохин отнял ладони от лица, посмотрел на Феликса с безысходной тоской и надрывно-трагическим голосом произнес:

— Что — прошло? Что — в прошлом? Смерть? Смерть — она всегда в будущем. У меня, у тебя, у всех. Всегда рядом. Ее не избежать. Но можно приблизить...

Он неожиданно вскочил, подался к окну, открыл его, вспрыгнул на подоконник и рванулся в оконный проем...»

Людмила Кушпель «Презентация убийства»

« Годами тянувшийся вопрос об открытии Московского университета был решен в десять минут, едва лишь фаворит Елизаветы Иван Шувалов после очередной беседы с Ломоносовым обратился к императрице. Она не только повелела создать университет, но и отпустила на это значительную сумму, а открытие столь важного для России учебного заведения приурочила ко дню именин матери Ванечки. Татьянин день — это ведь оттуда, в память последней любви стареющей Елизаветы».

Светлана Бестужева-Лада «Сподвижник просвещения»

« К Кувшинниковым Левитана привели братья Чеховы. Ей чуть за сорок, ему двадцать восемь, но разница в возрасте не помешала разгореться одному из самых известных и ярких романов. Софья Петровна просто не могла не потерять голову от этого черноглазого красавца, одинокого, романтического, такого талантливого и уже довольно знаменитого. А Левитан — он подчинился вихрю ее чувств, отдался ее заботе и нежности, которых ему так не хватало в жизни».

Ирина Опимах «Скандальная любовь»